Е 58—
419

РАССКАЗЫ СТАРЫХ РАБОЧИХ О ВЕЛИКОМ СТАЛИНЕ

«ЗАРЯ ВОСТОКА»

E58
419

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сталин И В

РАССКАЗЫ СТАРЫХ РАБОЧИХ О ВЕЛИКОМ СТАЛИНЕ

Четвертое дополненное издание

„ЗАРЯ ВОСТОКА"
Тбилиси—1939 г.

2 кз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
618349

В книге помещены записанные и собранные редакцией газеты «Заря Востока» (орган Центрального и Тбилисского комитетов Коммунистической партии (большевиков) Грузии) рассказы старых рабочих Тбилиси, Баку и Батуми о революционной деятельности товарища Сталина в Грузии и на Кавказе в годы, когда создавалась, росла и закалялась великая партия Ленина—Сталина.

В книге три раздела.

В первом разделе, названном «Юные годы вождя», помещены воспоминания бывших учеников горийского духовного училища и тифлисской семинарии, где учился товарищ Сталин. Эти воспоминания рисуют отдельные эпизоды детства и юности Иосифа Виссарионовича Джугашвили.

Второй раздел книги — «Сталинская школа революционной борьбы» — рассказывает о годах, когда на заре революционного рабочего движения товарищ Сталин закладывал гранитный фундамент ленинско-искровских социал-демократических организаций Грузии и Кавказа, неустанно руководя ими, сплачивая и воспитывая рабочих под знаменем Ленина.

В третьем разделе — «Великий пропагандист» — помещены рассказы старых рабочих о товарище Сталине, рисующие облик великого трибуна пролетарской революции, основоположника большевистской печати в Грузии и на Кавказе, пламенного пропагандиста марксистско-ленинских идей.

Помещаемые в книге рассказы, являющиеся откликами на доклад товарища Лаврентия Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», последовательно публиковались с сентября 1935 года на страницах «Зари Востока». В настоящее, четвертое, дополненное издание книги вошли также материалы, разработанные газетой в последующие годы.

«Правда» посвятила этим материалам 24 сентября 1935 года передовую статью «Пропагандисты коммунизма», в которой писала:

«Какие яркие страницы прошлого воскрешают опубликованные вчера в «Правде» воспоминания старых рабочих Закавказья о революционной деятельности товарища Сталина на заре организации нашей партии! Еще три с половиной десятилетия назад товарищ Сталин, будучи руководителем одной из старейших наших организаций— Закавказской,— показал неувядаемый образец пропагандиста коммунизма».

«Пропагандисты и агитаторы! Учитесь у Ленина и Сталина искусству агитации и пропаганды! Будьте достойными носителями великих традиций большевизма, достойными сынами славной нашей партии!»

Многомиллионные массы трудящихся Советского Союза, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)»—это замечательное сталинское повествование об истории большевизма,— с интересом прочтут рассказы старых рабочих Закавказья о товарище Сталине, рисующие образ великого вождя и учителя.

Редакция газеты «Заря Востока» — орган Центрального и Тбилисского комитетов КП(б) Грузии.

I. ЮНЫЕ ГОДЫ ВОЖДЯ

ИЗ БЕСЕДЫ ТОВАРИЩА СТАЛИНА С НЕМЕЦКИМ ПИСАТЕЛЕМ ЭМИЛЕМ ЛЮДВИГОМ

13 декабря 1931 г.

ЛЮДВИГ. Разрешите задать Вам несколько вопросов из Вашей биографии. Когда я был у Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

СТАЛИН. Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе.

ЛЮДВИГ. Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может плохое обращение со стороны родителей?

СТАЛИН. Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

ЛЮДВИГ. Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?

СТАЛИН. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство,— что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики... Что может быть в этом положительного?

Воспоминания бывших учеников горийского духовного училища, в котором учился тов. Сталин, рисуют отдельные эпизоды, относящиеся к юным годам великого вождя.

Высокая принципиальность, прямота, твердость, настойчивость в достижении поставленной цели, чуткость и заботливость к товарищам, неустанная работа над собой, скромность — все эти черты отличают молодого Иосифа Джугашвили со школьной скамьи.

Суровые, полные нужды и лишений годы не сломили юного Джугашвили, не убили в нем жажды к знаниям и постоянного, упорного стремления к работе над собой.

«Он никогда не давал чувствовать свое превосходство, хотя был развит более, чем мы,— говорит в своих воспоминаниях П. Капанадзе,— он не кичился тем, что способнее нас, а наоборот, помогал нам своими знаниями»...

В этих нескольких строках дан идеал молодого человека нашего времени, к которому нужно стремиться изо дня в день,— обогащать себя знаниями, накапливать их, быть образцом, передовым примером высокой принципиальности и сознательности, не успокаиваться на достигнутом, помнить, что скромность — отличительное качество большевика партийного и непартийного, не зазнаваться, постоянно совершенствоваться...

Воспоминания о молодом Сталине будут воспитывать широкие слои советской молодежи в духе большевистской выдержанности, требовательности к себе, неустан-

ной, систематической работы над собой, над повышением уровня своей политической и общекультурной подготовки, будут закалять в духе преданности великой партии Ленина—Сталина.

В теплых, вдохновенных строках, проникнутых горячей любовью, выразили в письме тов. Сталину трудящиеся советской Грузии свои мысли и переживания:

«Наш родной! За нас ты отдал юность с тяжкими годами,
Твой посев теперь сверкает золотистыми плодами,
Ты хранишь стальною силой святость ленинских заветов,
Ты творец счастливой жизни для республики Советов».

Великий сталинский посев дал пышные, богатые всходы.

Их ничто не могло заглушить: молодой Сталин смело нес семена марксистского, ленинского мировоззрения в массы, заботливо выращивал эти всходы. И сегодня ярко сверкают богатством своих красок эти могучие всходы сталинского посева, воплотившись в величайшие победы трудящихся Грузии, Азербайджана, Армении, спаянных нерушимой, сталинской дружбой.

Эти всходы — в людях сталинской выучки, в людях сталинской школы, беспредельно преданных партии Ленина—Сталина, ее сталинскому ЦК, ее великому вождю, воля которого — руководство к действию, непреложный закон, путь к новым победам.

Из передовой статьи «Зари Востока»
«Великий пример»—12 августа 1936 г.

П. КАПАНАДЗЕ

Учитель Хашурской средней школы, награжденный орденом ЛЕНИНА.

«Я ДОЛЖЕН УВИДЕТЬ ЛЕНИНА»

Помню годы нашего пребывания в горийском духовном училище.

С виду Иосиф Джугашвили был худой, но крепкий мальчик. Жизнерадостный и общительный, он всегда окружен был товарищами. Он особенно любил играть со своими сверстниками в мяч (лапту) и «лахти». Это были излюбленные игры учеников. Иосиф умел подбирать лучших игроков, и наша группа поэтому всегда выигрывала.

Я учился вместе с Иосифом 10 лет, сам учительствую 35, и за все эти годы мне не приходилось встречать такого одаренного и способного ученика.

Иосиф умел отлично рисовать, хотя в те годы в училище рисованию нас не обучали. Помню нарисованные им портреты Шота Руставели и других грузинских писателей.

За годы ученичества Сталин перечитал почти все книги, имевшиеся в горийской библиотеке: сочинения Игнатия Ниношвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели

и др. Лучшие произведения он советовал читать и нам, своим товарищам, и часто пересказывал содержание прочитанного. Помню, какое большое впечатление произвел на него рассказ И. Ниношвили «Гогиа Уишвили», в котором описывается угнетенное и бесправное положение крестьян. «Надо учиться и учиться, — говорил Иосиф, — чтобы помочь крестьянам».

Иосиф Джугашвили отличался большой скромностью и был хорошим, чутким товарищем. Он никогда не давал чувствовать свое превосходство, хотя был развит более, чем мы. Он не кичился тем, что способнее нас, а, наоборот, помогал нам своими знаниями, помогал нам рисовать географические карты, решать задачи, готовить уроки.

Иосиф был тверд, настойчив и энергичен.

Вместе с тем его характер, в общении с товарищами, отличали чуткость и заботливость.

Об этой заботливости говорит хотя бы следующий факт.

Как-то раз, перед самыми экзаменами, я заболел и обратился к смотрителю училища Беляеву с просьбой освободить меня от экзаменов. Беляев отказал. Я был очень удручен отказом. Об этом узнал Сосо и стал настаивать, чтобы я пошел с ним к Беляеву просить вместе. Я отговаривал его, будучи уверен, что ничего из этого не выйдет. Сосо все же уговорил меня пойти к Беляеву и с такой решительностью, смелостью и настойчивостью стал убеждать смотрителя, что тот уступил.

В последующие годы, будучи в тифлисской семинарии, Сталин участвовал в подпольных кружках и продолжал увлекаться чтением книг. Он изучал геологию, затем взялся за химию. Он стал читать Маркса. Организовал кружок и сам руководил им. В этом кружке изучали рабочее движение. В связи с этим Сталин часто говорил, что надо начать работу среди рабочих.

В Тифлисе, в семинарии, Сталин был попрежнему жизнерадостным и отзывчивым товарищем. Но здесь, очевидно, в нем произошел перелом. Он был уже не таким, как раньше, прилежным учеником. Все свободное от занятий время отдавал чтению политической литературы — изучал марксизм, рабочее движение.

Особенно запомнился мне один примечательный

Город Гори.

факт. Это было в 1898 году. Однажды утром, после чая, я вышел из семинарии в Пушкинский сквер. Здесь я увидел Сталина, окруженного группой товарищей. Он горячо дискутировал с ними, критиковал взгляды Жордания. Это всех захватило.

И здесь, в саду, мы впервые услышали о Ленине.

Раздался звонок, мы стали расходиться, спеша на урок. Я подошел к Иосифу, пораженный его резкой критикой взглядов Жордания. Иосиф сообщил мне, что читал статьи Ленина, которые ему очень понравились.

— Я во что бы то ни стало должен увидеть его,— сказал он мне тогда.

Эти слова, произнесенные в 1898 году, я напомнил товарищу Сталину при встрече с ним в 1926 году, и он вспомнил этот эпизод.

Г. ГЛУРДЖИДЗЕ

Учитель неполной средней школы села Бершуети Горийского района, награжденный орденом ЛЕНИНА.

ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ

Я учился в горийском духовном училище, а затем в тифлисской духовной семинарии, и в те годы встречался со Сталиным.

Запомнилась одежда, в которой Иосиф Джугашвили ходил зимой в школу. Его заботливая мать, зарабатывавшая на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья, старалась, чтобы сын был одет тепло и опрятно.

На Иосифе было синее пальто, сапоги, войлочная шляпа и серые вязаные рукавицы. Шея обмотана широким красным шарфом. Нравился нам его яркий шарф.

Иосиф был среднего роста, худощав. В школу он ходил, перевесив через плечо сумку из красного ситца. Походка—уверенная, взгляд—живой, весь он—подвижной, жизнерадостный.

В первые годы, в приготовительных отделениях, Иосиф учился отлично, и дальше все ярче раскрывались его способности — и он стал одним из первых учеников.

При школе была библиотека. Когда мы подросли—пристрастились к чтению. Начальство выдавало нам кни-

ги, которые были нам не по вкусу, и мы доставали литературу для чтения у Арсена Каландадзе, имевшего в Гори книжный магазин. У Каландадзе мы доставали книги Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе, Александра Казбеги, Р. Эристова и других, книги, рассказывавшие нам о том, что на свете происходят какие-то иные события, что школа для нас — мачеха.

Большинство преподавателей своим отношением к нам еще более убеждало нас в этом. Мы чуждались их и не чувствовали в них сердечности. Нам было ясно, что школа стремится воспитать из нас рабов, а не свободных людей.

Мы учили уроки, занимались, но от нас не ускользало, что за стенами школы скрывалось «что-то» другое, неясное для нас тогда в своих очертаниях, но привлекательное, требующее разгадки.

Иосиф лучше других постигал это «что-то». Если память мне не изменяет, беседа, о которой я хочу рассказать, имела место, когда Иосифу и мне было по 13 лет.

Во время летних каникул, возвратившись в Гори из родного села Бершуети, я навестил Иосифа, и мы вышли гулять на улицу. Прошли мост через Куру, перешли за полотно железной дороги и расположились на зеленой лужайке.

Молодые, еще не искушенные в жизни, мы любили беседовать на отвлеченные темы. Я заговорил о боге. Иосиф слушал меня и после минутного молчания ответил:

— Знаешь, нас обманывают, бога не существует...

Эти слова удивили меня. Ни от кого еще я не слышал таких слов.

— Сосо, что ты говоришь?!

— Я дам тебе прочесть книгу, из которой ты увидишь, что мир и вся жизнь устроены совсем по-иному, и разговоры о боге — пустая болтовня,— сказал Иосиф.

— Какая это книга? — заинтересовался я.

— Дарвин. Обязательно прочти,— наставительно ответил Иосиф.

◆ ◆ ◆

После горийского училища я снова встретился с Иосифом Джугашвили в стенах тифлисской духовной

Гори. Дом, где родился и провел первые годы детства И. В. Сталин.

семинарии. Тяжелый был режим в этом училище. Нельзя было почитать газету, пойти в театр. После пяти часов вечера запрещалось выходить на улицу. Бесконечные моления: перед уроком, перед завтраком, перед обедом, перед сном. По субботам и воскресеньям — долгие, томительные обедни. Надоедали нам здорово.

За учащимися была установлена слежка преподавателей. Меры взыскания по отношению к учащимся выражались в грубых выговорах, карцере (темная комната), в двойках по поведению и, наконец, в исключении из семинарии.

◆ ◆ ◆

Иосиф увлекался чтением «посторонних» книг. Вокруг него собирались товарищи.

Чтобы лучше разобраться в интересовавших нас вопросах, мы читали «Историю культуры» Липперта, «Войну и мир», «Хозяин и работник», «Крейцерову сонату», «Воскресенье» Льва Толстого, а также Писарева, Достоевского, Шекспира, Шиллера и др.

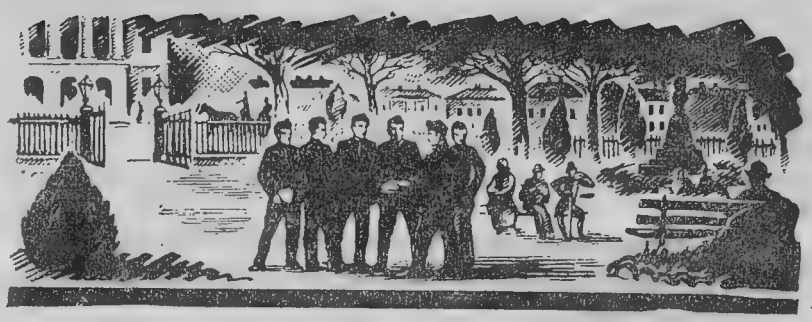
Иногда мы читали в церкви, во время службы, притаившись в рядах. Мы прочитывали книги, конечно, с большой осторожностью, чтобы не попасться на глаза надзирателям.

Книга была неразлучным другом Иосифа, и он с нею не расставался даже во время еды.

Обычно Иосиф отвечал на вопросы не торопясь. Если у него был готов ответ, всесторонне обоснованный, он отвечал, если же нет — он оттягивал ответ на более или менее короткий срок.

Из предметов, проходившихся в то время, Иосиф любил гражданскую историю и логику. По этим предметам у него всегда были пятерки. По остальным он готовился в конце года к экзаменам.

Большим развлечением для нас, в нестерпимо душной атмосфере семинарии, были песни. Необычайное удовольствие испытывали мы, когда Сосо втягивал нас в хор и своим звонким, приятным голосом запевал любимые народные песни.



Д. ГОГОХИЯ

НА ВСЮ ЖИЗНЬ ЗАПОМНИЛИСЬ ЭТИ ДНИ

Город Гори с юга и запада омывают Кура и Лиахва. Он окружен плодовыми садами. В городе возвышаются развалины древней крепости — памятника средневековья.

В старом Гори было около 8.000 человек населения, много церквей, лавок, духанов и на весь тогдашний уезд четыре учебных заведения: городское 4-классное училище, духовное 4-классное, учительская семинария и женская прогимназия.

В этом городе, в семье сапожника Виссариона Джугашвили, в 1879 году родился мальчик, которому дали имя Иосиф.

В 1890 году, поступив в горийское духовное училище, я впервые встретился с одиннадцатилетним Иосифом Джугашвили.

Предметы у нас проходились на русском языке и лишь два раза в неделю преподавали грузинский язык.

Я, будучи уроженцем Мегрелии, произносил грузин-

ские слова с акцентом. Это дало повод ученикам смеяться надо мной. Иосиф же, наоборот, пришел мне на помощь.

Скромный и чуткий, он подошел ко мне и сказал:

— Ну, давай, я буду учиться у тебя мегрельскому языку, а ты у меня грузинскому.

Это движение души товарища сильно растрогало меня.

Не одна только скромность отличала Иосифа. Большие способности и любознательность выделяли его среди учеников.

Обычно он был серьезен, настойчив, не любил шалостей и озорства. После занятий спешил домой, и всегда его видели за книгой.

Дядя мой Виссарион Гогохия, в квартире которого я поселился, переехал в дом Кипшидзе. Здесь же, во дворе, жил Иосиф с матерью.

Их комната имела не более 9 квадратных аршин и находилась около кухни. Вход — со двора прямо в комнату, ни одной ступени. Пол был выложен кирпичом, небольшое окно скупо пропускало свет. Вся обстановка комнаты состояла из маленького стола, табуретки и широкой тахты, вроде нар, покрытой «чилопи» — соломенной цыновкой.

Мать Иосифа имела скудный заработок, занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля в месяц, но не всегда удавалось скопить эти полтора рубля.

Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность — сказывались на характере Иосифа. Он не любил заходить к людям, живущим зажиточно. Несмотря на то, что я бывал у него по нескольку раз в день,— он подымался ко мне очень редко, потому что дядя мой жил по тем временам богато.

Отец Иосифа — Виссарион — проводил весь день в работе, шил и чинил обувь.

За что ни брался Иосиф — все усваивал глубоко и основательно. На подготовку к урокам у него уходило очень мало времени.

Благодаря своей исключительной памяти, он, вни-

мательно слушая педагога, запоминал урок и не нуждался в повторении.

Свободное от занятий время уходило на чтение книг. Он перечитал все, что было в школьной библиотеке,— произведения грузинских и русских классиков, и по своему развитию и знаниям стоял намного выше своих школьных товарищей.

Это дало основание назначить ему одному ежемесячную стипендию.

Горийское духовное училище мы окончили в 1894 году. На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками, ему выдали похвальный лист, что для того времени являлось событием, из ряда вон выходящим, потому что отец его был не духовного звания и занимался сапожным ремеслом.

Осенью того же 1894 года мы приехали в Тифлис— очутились в большом городе.

Нас ввели в четырехэтажный дом, в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по 20—30 человек. Это здание и было тифлисской духовной семинарией.

Жизнь в духовной семинарии протекала однообразно и монотонно. Вставали мы в 7 часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс. Дежурный ученик читал молитву «царю небесному», и занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа—обед, в пять часов вечера— перекличка, после которой выходить на улицу строго запрещалось.

Мы чувствовали себя как бы в каменном мешке. Нас снова водили на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам — готовить уроки, а в десять часов — по койкам, спать.

Ученики не имели права обсуждать свои нужды и запросы.

Все, что преподавалось, якобы, означало непреложную истину. Горе любопытному и любознательному! Сомнениям не должно было быть места. Критическое суждение о том или ином явлении природы, о страницах священного писания — считалось кощунством.

Инспектор Абашидзе строго и придирчиво следил за пансионерами, за их образом мыслей, времяпрепро-

вождением и, кроме того, позволял себе производить обыски. Обыскивал нас и наши личные ящики.

Семинарская атмосфера тяготила Иосифа Джугашвили. Он сразу понял, что преподаваемые в семинарии предметы не могут удовлетворить человека развитого.

Он жаждал знать основы всего происходящего в мире, доискивался до первопричины, добивался ясного понимания вопросов, на которые семинарский курс не давал ответа.

Иосиф перестал уделять внимание урокам, учился на тройки — лишь бы сдать экзамены. Он не терял времени и энергии на усвоение легенд из священного писания и уже с первого класса стал интересоваться светской литературой, общественно-экономическими вопросами. В этом ему помогали ученики старших классов. Узнав о способном и любознательном Иосифе Джугашвили, стали беседовать с ним и снабжать его журналами и книгами.

За год Иосиф настолько политически развился, вырос, что уже со второго класса стал руководить группой товарищей по семинарии.

Сталин самостоятельно составил план работы кружка и проводил с нами беседы. Однако, вести кружок в стенах семинарии почти не представлялось возможным. Инспектор Абашидзе установил строгую слежку. Он чувствовал, что где-то что-то завелось, что молодежь, кроме священного писания, занимается еще чем-то иным, и нам пришлось подумать о месте сбора.

По предложению Иосифа, была снята комната за пять рублей в месяц под Давидовской горой. Там мы нелегально собирались один, иногда два раза в неделю, в послеобеденные часы,— до переклички.

Иосиф жил в пансионе и денег у него не было, мы же получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы. Из этих средств платили за комнату.

Члены кружка были отобраны самим Сталиным по надежности и конспираторским способностям каждого.

Среди семинаристов были доносчики, которые сообщали инспектору Абашидзе о настроениях и занятиях учеников и, в особенности, Иосифа Джугашвили.

В кружке Иосиф читал нам произведения Игнатия Ниношвили, раз'яснял теорию Дарвина о происхождении

Гори. Комната, в которой провел первые годы детства И. В. Сталин.

человека, а к концу года мы перешли к чтению политической экономии и отрывков из книг Маркса и Энгельса.

Мы следили также за сообщениями и дискуссиями на страницах газеты «Квали» *). Задавали Иосифу вопросы, и он раз'яснял нам все просто, ясно, четко.

Сталин не ограничивался устной пропагандой идей Маркса—Энгельса. Он создал и редактировал рукописный ученический журнал на грузинском языке, в котором освещал все спорные вопросы, обсуждавшиеся в кружке и на страницах «Квали».

Наш семинарский журнал представлял собою тетрадь страниц в тридцать. Журнал выходил два раза в месяц и передавался из рук в руки.

В этот период Иосиф был всецело поглощен политической литературой, но на покупку книг у него не было денег. И вот на помощь опять приходит его великолепная память. Он ходил к букинистам, останавливал взгляд свой на интересующей его книге, раскрывал ее, и пока букинист возился с покупателями, вычитывал и запоминал нужные ему места.

Революционное настроение среди семинаристов росло и крепло. Споры и диспуты становились явлением обыденным. Рукописный журнал, печатная политическая литература и «Квали» заполняли карманы членов кружка.

Все это не могло пройти незамеченным. Инспектор Абашидзе усилил слежку и нам становилось труднее ускользать от наблюдения его прислужников.

Однажды вечером, когда мы готовили уроки, в классе неожиданно появился Абашидзе. Не найдя ничего предосудительного в ящиках, он стал обыскивать учеников.

На той же неделе, после тщательного обыска, инспектор нашел у Иосифа исписанную тетрадь со статьей для нашего рукописного журнала.

---

*) „Квали" („Борозда")—еженедельная газета на грузинском языке, орган либерально-националистического направления. В период 1893—1897 г. г. газета издавалась под редакцией Г. Церетели. В конце 1897 г. приобретена группой большинства „Месаме-даси" (Н. Жордания и др.) и с этого времени стала рупором легального марксизма. После появления внутри РСДРП фракций большевиков и меньшевиков газета „Квали" стала органом грузинских меньшевиков. Закрыта царским правительством в 1904 г.

Абашидзе не замедлил выступить с материалом на заседании правления семинарии. В результате мы получили двойки по поведению и последнее предупреждение.

Беседы в кружке и постоянные дискуссии отражались на наших семинарских занятиях. Однако, Иосиф, не затрачивая особых усилий, с легкостью перешел в следующий класс. Но успех этот был обманчив. Свирепый монах Абашидзе догадывался, почему талантливый, развитой, обладавший невероятно богатой памятью Джугашвили учится «на тройки».

Он снова поднял этот вопрос на заседании правления семинарии, обрисовал наше увлечение политическими вопросами, охарактеризовал главенствующую роль Джугашвили во всем этом и добился постановления об исключении его из семинарии.

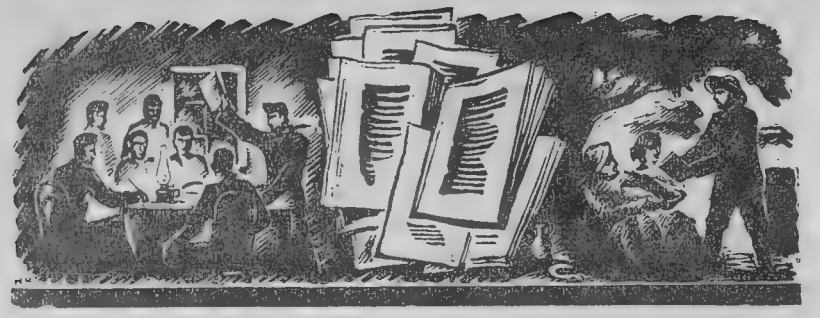
Так кончилась наша совместная школьная жизнь, прошли детские и юношеские годы.

Иосиф Джугашвили вышел из семинарии без диплома, но с определенными, твердыми взглядами на жизнь. Он уже знал и понимал, что ее надо расколоть и перестроить.

Меня же судьба закинула обратно в деревню. Отца уже не было в живых, и я должен был искать работы.

Иосиф не вернулся в Гори.

Он целиком погрузился в революционную работу.



Г. ЕЛИСАБЕДАШВИЛИ

ГОДЫ В УЧИЛИЩЕ

Доклад тов. Берия на собрании тбилисского партийного актива «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» восстановил в моей памяти отдельные эпизоды той борьбы, которую прошли под руководством товарища Сталина большевики Закавказья в борьбе с царизмом и буржуазией, с предателями рабочего класса — меньшевиками, националистами, с оппортунистами всех мастей.

Товарища Сталина я помню с юных лет как ученика горийского духовного училища, в котором учился и я. Он был одним из самых бедных и самых способных учеников.

Он занимался со мною, готовя меня для поступления в семинарию.

Позднее, уже в семинарский период, он часто встречался с крестьянами и беседовал с ними.

Помнится такой случай.

Идя однажды по дороге, мы увидели отдыхавших в поле пахарей.

— Давай, подойдем к ним,— предложил товарищ Сталин.

Мы подошли.

Увидев, с каким большим аппетитом один из крестьян ел хлеб с лобио, товарищ Сталин спросил:

— Почему так плохо питаетесь? Ведь вы же сами пашете, сеете, собираете урожай. Значит, можно лучше жить?

На это крестьянин ответил:

— Собираем-то мы сами, но приставу надо дать, священнику надо дать. Что же нам остается?

Так завязалась беседа, в ходе которой товарищ Сталин шаг за шагом стал раз'яснять, почему крестьянину плохо живется, кто на нем наживается, кто его друзья и кто враги. Он говорил так понятно и увлекательно, что крестьяне просили его притти еще поговорить с ними.

Будучи в семинарии, он часто носил с собой нелегальную литературу. Инспектор семинарии монах Димитрий хотел во что бы то ни стало поймать на этом Сталина. Но товарищ Сталин так умело берег литературу, что монаху Димитрию долгое время это никак не удавалось. Однажды он все же подкрался к Сосо, когда тот читал нелегальную книгу. Он ловко выхватил ее у Сосо, но Сосо моментально вырвал ее обратно.

Монах Димитрий возмутился:

— Ты разве не видишь, с кем имеешь дело?

Сосо протер глаза, пристально посмотрел на него и ответил:

— Вижу перед собой черное пятно и больше ничего!

По указанию и под руководством Сталина мы организовали ученический социал-демократический комитет.

В кружках, об'единявшихся этим комитетом, насчитывалось человек 100—125. Они вносили членские взносы (по 10—20 копеек в месяц) и через меня передавали для партийного комитета.

Эти воспоминания всегда будут жить в моей памяти.

Г. ПАРКАДЗЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О НЕЛЕГАЛЬНЫХ СТАЛИНСКИХ КРУЖКАХ

Между стремлением молодежи к научным знаниям и поповским мракобесием лежала глубокая пропасть. Воспитанники тифлисской духовной семинарии, стремясь опровергнуть вздорные измышления о существовании божества, о сотворении мира из ничего, обращались к научным книгам. Но в девяностых годах это было делом нелегким. Нам запрещали читать обыкновенную литературу, в семинарской библиотеке тщетно было бы искать произведения Добролюбова, Белинского, Чернышевского, Писарева.

Борьбу, которую вела молодежь против духовенства, возглавил молодой Сталин с первого же года своего поступления в семинарию.

Молодежь жадно накапливала знания.

Чтобы опровергнуть в семинарской среде, например, миф о сотворении мира в шесть дней, нам нужно было знать самим и уметь доказать геологическое происхож-

И. В. Сталин (четвертый в верхнем ряду) среди учащихся духовного училища в Гори.

дение и возраст земли, познакомиться с учением Дарвина. В этом помогали книги о Галилее, Копернике, увлекательные труды Фламмариона. Помню книгу Чарльза Лайела «Древность человека» и двухтомник Чарльза Дарвина «Происхождение человека», в переводе под редакцией Сеченова. С интересом читал товарищ Сталин научные труды И. Сеченова.

Постепенно мы перешли к изучению развития классового общества, вплотную подошли к произведениям Маркса, Энгельса, Ленина. Знакомство с марксистской литературой в те годы преследовалось как революционная пропаганда. В особенности это чувствовалось в стенах семинарии, где такое, например, имя, как Дарвин, подвергалось бешеным нападкам.

Знакомясь с социально-экономической литературой, молодежь продолжала интересоваться астрономией, физикой, химией. Большую помощь нам оказала книга Людвига Фейербаха о сущности христианства.

Товарищ Сталин, знакомя нас с книгами, говорил, что мы прежде всего должны стать атеистами.

У многих начало складываться материалистическое мировоззрение, а богословские предметы оставались без внимания.

Чтение книг по самым различным отраслям науки не только помогало преодолевать бурсацкий дух в семинарии, но и приближало молодежь к восприятию марксистских идей. Каждая книга, будь то по археологии, геологии, астрономии или первобытной культуре, утверждала сознание правоты марксизма.

Современная наша молодежь вряд ли может представить себе все те трудности, какие надо было преодолевать тогда, чтобы не только получать книги, но и прочитывать их. У товарища Сталина, например, был отобран или, как говорится в донесении помощника инспектора, «конфискован» роман Виктора Гюго «Труженики моря». Такая же участь постигла другую книгу Гюго — «93 год».

Литературу мы доставали в общедоступной библиотеке. Библиотеку эту посещали рабочие, интеллигенция. В начале 90-х годов ею пользовался Алексей Максимович Горький. Она преследовала просвещенческие цели, и

никто не подозревал, какое большое политическое содержание извлекалось нами из самых обычных книг.

Товарищ Сталин об'яснял, как надо добираться до основного содержания той или иной книги, как обходиться журнальными статьями, рецензиями и даже заметками в тех случаях, когда по какому-либо вопросу нельзя было найти достаточно литературы. Это приучало к конспектированию, к составлению выписок. Намечая литературу, Сталин подбирал для нас популярную, затем более сложную и подробно об'яснял, если кто-либо из товарищей не понимал прочитанного.

Однажды я принес химию Менделеева. Как сейчас помню эту книгу. Ею тогда живо заинтересовался Сталин.

Как известно теперь из архивных материалов, инспектор семинарии иеромонах Гермоген доносил, что Джугашвили (Сталин), «оказалось, имеет абонементный лист из «Дешевой библиотеки», книгами из которой он пользуется».

Товарищ Сталин увлекался исторической литературой, и мы даже удивлялись — откуда он ее достает. Запомнились книги по истории Великой французской революции, революции 1848 года, Парижской коммуны, истории России.

Первый том «Капитала» Маркса Сталин и его товарищи изучали в конце девяностых годов по рукописи, переписав единственный оказавшийся в библиотеке печатный экземпляр первого русского издания 1872 года.

Товарищу Сталину было 17 лет, когда он в 1896 году создал в семинарии первый марксистский нелегальный кружок и выступал пропагандистом марксизма. Позже подобрался и второй кружок. Я входил в первый, называвшийся «старшим».

Осенью 1897 года в Тифлис приехал нелегально, скрывшись из-под надзора полиции, Ладо Кецховели. Семинарские воспитанники помнили Ладо по 1893 году, когда под его руководством была проведена забастовка.

Ладо Кецховели был ближайшим другом товарища Сталина. У него на квартире протекали долгие беседы по вопросам рабочего движения, говорили о Ленине, Плеханове.

Через Ладо Кецховели и русских марксистов, про-

живавших в те годы в Закавказье, товарищ Сталин доставал нелегальную марксистскую литературу. Он искусно соблюдал конспирацию, и только в 1899 году церковники убедились, что Сталин ведет революционную пропаганду среди семинаристов и тифлисских рабочих.

Навыки строгой конспирации товарищ Сталин в дальнейшем углубил и применил в деле создания первых большевистских организаций Закавказья.

В годы, когда в семинарии создались руководимые Сталиным два марксистских кружка, подобралась и своя нелегальная библиотечка, которая, конечно, не имела ни шкапа, ни полок. Каждая книга переходила из рук в руки, от одного к другому.

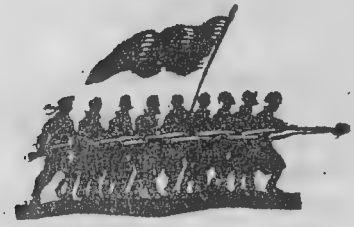
Работая над книгой, товарищ Сталин составлял, когда это позволяла обстановка, конспекты, выписывал наиболее важные мысли и часто передавал конспекты нам. На занятия кружка он приходил, хорошо подготовившись, и ни один наш вопрос не оставался без самого подробного раз'яснения.

Из книг, которые были прочитаны в те годы Сталиным и его товарищами, помню: «Коммунистический манифест», Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии», В. И. Ленина — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», Бельтова (Плеханова) — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», книги Адама Смита и Рикардо по политической экономии, Туган-Барановского — «Периодические кризисы в Англии», Спинозы — «Этика» в издании 1892 года, Г. Бокля — «История цивилизации в Англии», Ш. Летурно—«Эволюция собственности», Н. Зибера — «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», книги по философии.

Товарищ Сталин любил художественную литературу, читал Салтыкова-Щедрина — «Господа Головлевы», Гоголя — «Мертвые души», Эркмана-Шатриана — «История одного крестьянина», роман Теккерея — «Базар житейской суеты» в двух томах, и много других книг. С детства Сталин хорошо знал грузинских писателей, любил Руставели, Илью Чавчавадзе, Важа Пшавела. Увлекаясь литературой, товарищ Сталин, в период учебы в тифлисской семинарии, написал несколько стихотворений, которые очень понравились Илье Чавчавадзе,— доста-

точно отметить, что они помещались в газете, которую редактировал Чавчавадзе, на первой странице, на видном месте, хотя воспитанникам семинарии было строго запрещено печататься в каких-либо журналах и газетах.

В нашу эпоху, когда трудящиеся широко пользуются правом на образование, когда они свободно пользуются богатейшей сокровищницей великого учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, невольно вспоминаются те далекие семинарские годы, когда царское самодержавие пыталось сковать живую мысль в тисках поповского мракобесия.



II. СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Настойчиво изучая основы марксистско-ленинской науки, овладевая большевизмом, наши кадры вооружаются великой силой в борьбе за победы коммунизма. Глубокое знакомство с героическим революционным прошлым, с биографиями вождей пролетарской революции Ленина и Сталина расширяет идейный кругозор трудящихся, способствует идейно-политическому росту наших теоретических кадров, помогает изучающим историю партии Ленина—Сталина глубже познать теорию и опыт борьбы партии.

Группа командного и начальствующего состава РККА, побывав в Гори, осмотрев исторический домик и музей-выставку, вписала в книгу впечатлений следующие строки: «У нас на всю жизнь останется в памяти этот день, и мы постараемся рассказать нашим курсантам и командирам о родине товарища Сталина».

«Богатейший жизненный и революционный опыт нашего вождя и учителя товарища Сталина послужит для меня лучшим материалом в деле коммунистического воспитания молодежи», — пишет экскурсант из Кировграда, секретарь первичной комсомольской организации.

В каждом советском патриоте рождается это возвышенное желание учиться и работать, подражая во всем Ленину и Сталину, желание вырабатывать в себе качества человека социалистического общества, быть достойным носителем великих традиций большевизма, которые создавались в непримиримой борьбе с врагами социализма.

С первых же шагов своей революционной деятельности товарищ Сталин вместе с Лениным выступает как строитель революционной партии рабочего класса, как пламенный пропагандист марксистско-ленинских идей.

Детство Иосифа Виссарионовича Сталина проходило в городе Гори. В Тбилиси товарищ Сталин начал свою революционную деятельность и заложил фундамент первых большевистских организаций Грузии и Кавказа. В Тбилиси и Батуми товарищ Сталин сплотил и впервые поднял рабочих на открытую борьбу против капиталистов и самодержавия. «В Тбилиси, Баку, Батуми, Кутаиси, Чиатура, во всех наиболее значительных промышленных центрах Кавказа товарищ Сталин организовывал рабочих, воспитывал их в духе непримиримой борьбы против угнетателей, против всех врагов трудящихся». (Л. Берия).

Величайшим вниманием и любовью народа окружены эти исторические сталинские места.

Четыре года назад, в своем докладе на собрании тбилисского партактива, товарищ Берия положил начало подлинно научному изучению истории большевистских организаций Закавказья, пламенных страниц сталинской биографии.

Доклад тов. Л. П. Берия переведен на пятнадцать языков народов Советского Союза и выпущен за четыре года в сорока изданиях общим тиражем 1.300.000 экземпляров. Доклад тов. Л. П. Берия служит ценнейшим пособием при изучении «Краткого курса истории ВКП(б)».

По инициативе Л. П. Берия создан Тбилисский филиал Центрального музея В. И. Ленина и реставрированы исторические сталинские места в городах Грузии.

Знакомясь с этими местами, трудящиеся нашей страны задают массу вопросов, проявляют живейший интерес к славным страницам летописи большевизма.

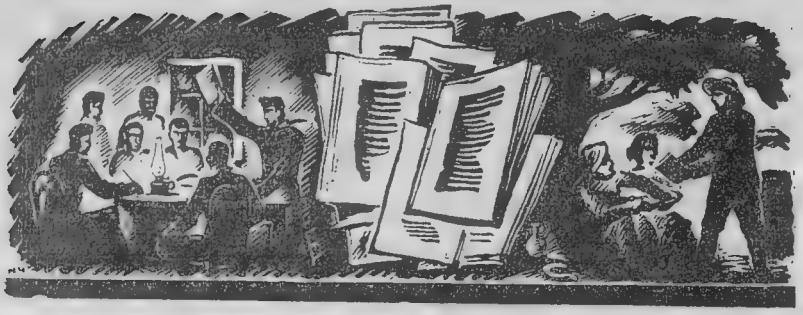
Увлекательно рассказать им о прошлом, обстоятельно ответить на все их вопросы — почетная задача пропагандиста. Роль экскурсовода — ответственная роль большевистского пропагандиста, призванного знакомить сотни и тысячи граждан, сотни и тысячи учащейся молодежи с волнующими, увлекательными страницами истории партии.

Пояснения к архивным документам в музее, рассказ об исторических местах не есть архивное описание минувших событий.

Это живая история борьбы и побед, это великая эпопея борьбы за свержение старого строя.

Почетная задача большевистского пропагандиста— вооружать своих слушателей силой великого примера, руководясь славными страницами жизни и деятельности гениев человечества — Ленина и Сталина, жизни выдающихся пролетарских революционеров, развивать возвышенное чувство любви и преданности партии, великому Сталину, социалистической родине.

Из передовой статьи «Зари Востока»
«Почетная задача пропагандиста—
17 июля 1939 г.



ВАНО КЕЦХОВЕЛИ

НА ЗАРЕ СОЗДАНИЯ ПАРТИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

После первой моей встречи с товарищем Сталиным прошло 50 лет. Я хочу восстановить в памяти отдельные эпизоды того времени.

Хорошо помню солнечный день в конце сентября 1888 года, учеников, собравшихся во время перемены в тесном дворе горийского училища. Подойдя к своим одноклассникам, я заметил незнакомого мальчика. Это был наш новый товарищ Иосиф Джугашвили.

Во время разговора он хранил молчание и внимательно поглядывал на нас. Как будто хотел прочесть в наших шаловливых глазах, кто окажется подходящим товарищем в школьных занятиях, играх и забавах.

Весною и осенью по воскресным дням мы отправлялись за город. Излюбленным нашим местом была маленькая поляна на склонах горы «Гориджвири».

Проходили годы в горийском училище и уносили с собою наши детские переживания и мечты.

В старших классах мы знакомились с грузинской литературой, но возле нас не было педагога, который руководил бы нашим развитием и дал бы определенное направление нашим мыслям. Больше всего мы увлекались чтением поэмы Чавчавадзе «Разбойник Како». Герои Казбеги пробуждали в юных сердцах чувство любви к родине, и каждый кончал училище с мыслью: «Я буду служить своей родине». Но в чем должно было выразиться это служение, никто себе конкретно не представлял.

В тифлисской семинарии жизнь протекала в совершенно иных условиях, чем в Гори. Жили мы в здании семинарии, на пансионе. Нас было около 600 учеников, приехавших из разных уголков Грузии. В этот период характер товарища Сосо совершенно изменился: прошла любовь к играм и забавам детства. Он стал задумчивым и, казалось, замкнутым. Отказывался от игр, но зато не расставался с книгами и, найдя какой-нибудь уголок, усердно читал. Какие это были книги? Конечно, не те, которые лежали на полках нашей библиотеки. Он доставал их вне семинарии. Книги разного содержания — по экономическим и историческим вопросам, по естествознанию.

Часами просиживал над книгой юный Сталин, прижав руки к вискам.

В семинарии, в узком кругу часто устраивались беседы по различным вопросам. В семинарии существовало два нелегальных марксистских кружка, которые способствовали развитию политического самосознания учащихся. Кружками руководил товарищ Сталин.

В тот период усиленную работу вел среди рабочих Ладо Кецховели. Товарищ Сталин, близко знавший его, также руководил рабочими кружками.

Существование наших кружков не осталось незамеченным. Среди семинаристов были шпионы, и администрация знала, кто из нас чем занимается. Начались репрессии, и жизнь в семинарии стала еще более невыносимой. Осенью 1899 года 40—45 человек были вынуждены по «собственному прошению» навсегда покинуть семинарию.

В 1899 году начинается наша самостоятельная жизнь. В средних числах ноября я получил должность

наблюдателя в Тифлисской физической обсерватории. Здесь требовалась предварительная трех-четырехнедельная практика, после чего новый работник зачислялся в штат. Мне предоставили в обсерватории жилую комнату, которая вскоре стала служить пристанищем для революционеров. Сюда часто приходили товарищ Сталин и Ладо Кецховели, нелегально проживавший в Тифлисе.

В конце декабря 1899 года освободилось в обсерватории место наблюдателя и на эту должность по совету Ладо поступил товарищ Сталин. Нам приходилось бодрствовать всю ночь и в определенные часы и минуты проводить наблюдения с помощью замысловатых приборов. Такая работа требовала напряжения нервов, терпения. Должность наблюдателя часто освобождалась, и этим об'ясняется та сравнительная легкость, с какой устроились в обсерватории сначала я, потом товарищ Сталин, М. Давиташвили и последним Васо Бердзенишвили, который в начале 1900 года тоже покинул семинарию.

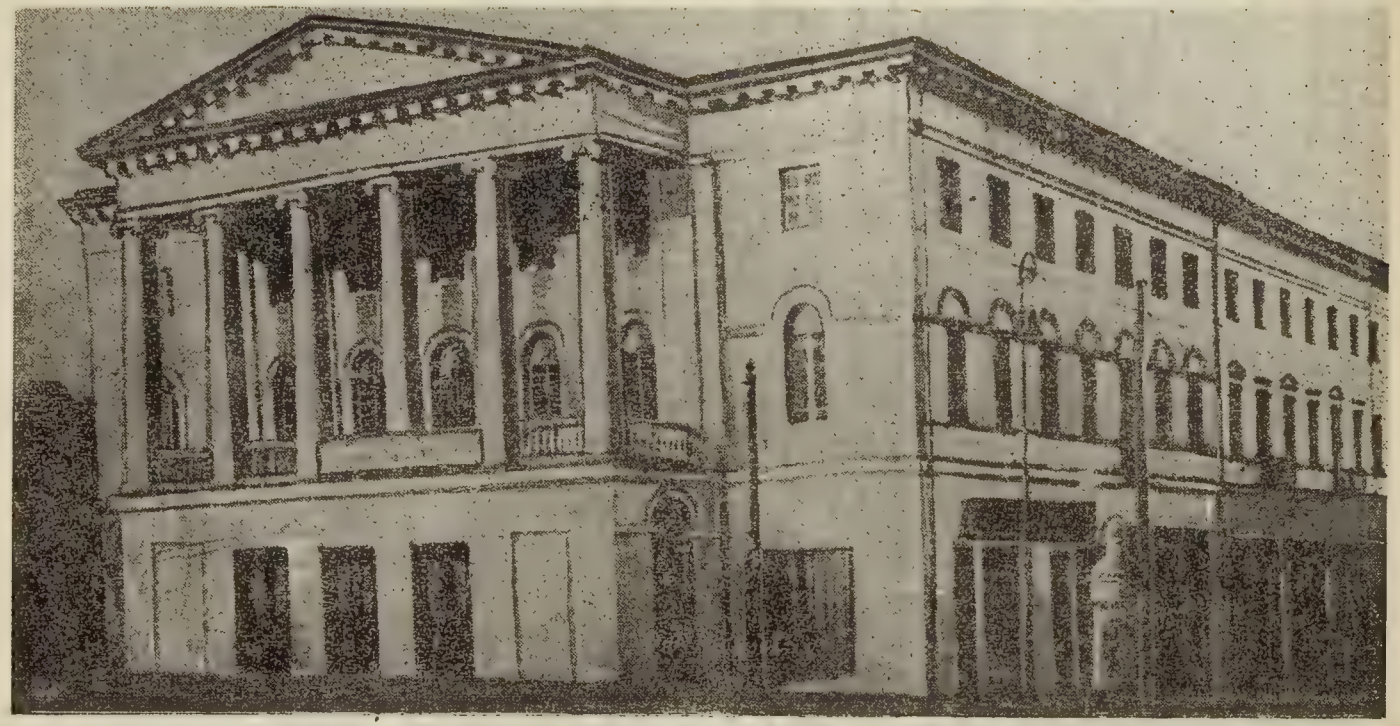
У нас собирались члены тифлисской социал-демократической организации. В этот период Сталин и Ладо Кецховели подготавливали забастовку рабочих тифлисской конки. Ладо поздно возвращался с нелегальных собраний и ночевал у нас в обсерватории.

В годы пребывания в обсерватории товарищ Сталин много занимался. Читал и составлял заметки и конспекты по прочитанным книгам. Он доставал нелегальную литературу, которой пользовались и мы.

Книги Плеханова мы доставали легко. Помню один из долгих вечеров в конце зимы 1899 года. Обсуждали книгу Плеханова «Наши разногласия». Во время беседы товарищ Сталин и Ладо часто называли имя Ленина.

Ладо восхищался ясностью теоретической мысли Ленина, ее близостью к практике. Товарищ Сталин, соглашаясь с Ладо, говорил, что Ленин ближе Плеханова стоит к жизни. В 1903 году, после раскола на втором с'езде партии, я часто вспоминал эти сталинские слова.

То, что партийные товарищи собирались в обсерватории и что Ладо часто ночевал у нас, было замечено жандармами. Около обсерватории часто топтались шпики. После этого Ладо уже невозможно было оставаться в Тифлисе, и он по совету Сталина решил поехать в Ба-



Здание бывшей духовной семинарии, где в 1894—1899 гг. жил и учился И. В. Сталин, руководя с 1898 года нелегальными рабочими кружками гор. Тифлиса. (Снимок девяностых годов).

ку. Перед от'ездом,— это было в средних числах января 1900 года,— Ладо, не постучавшись, открыл дверь в нашу комнату. Я вначале не узнал брата,— настолько преобразилось его лицо. Он остриг усы и бороду.

Ладо осведомился о Сталине, присел к столу. Перед ним лежала раскрытая Сталиным книга Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Ладо начал читать с раскрытой страницы. Через некоторое время он спросил меня:

— Эту книгу Сосо читает? Хорошо, если бы и ты прочел.

— Я тоже читаю.

— Да, но недостаточно прочесть один раз, ее надо изучить.

Затем Ладо опять стал говорить о молодом Сталине.

— Сосо отличается проницательным, глубоким умом и подготовлен хорошо. Он сыграет большую роль в революционном движении...

Ладо произнес эти слова так убедительно и с таким чувством, что они навсегда запечатлелись в моей памяти.

◆ ◆ ◆

Следившие за нашей квартирой провокаторы до того обнаглели, что стали преследовать нас на улице. Мы принимали все меры предосторожности, чтобы не попасться им в руки с материалами. Двор и сад обсерватории составляли достаточно большую площадь, чтобы можно было надежно припрятать нелегальную литературу.

В начале весны, в один из воскресных дней, во время обеда, кто-то постучался к нам. Все были дома: товарищ Сосо, его мать Екатерина Георгиевна, В. Бердзенишвили и я. На стук вышла мать товарища Сталина. Незнакомый человек спрашивал меня. При первом взгляде на него я узнал агента жандармского управления, который выслеживал нас около обсерватории. Это был пожилой человек, с серыми, очень неприятными глазами. Он начал выспрашивать издалека, спросил, здоровы ли мои братья, и в конце-концов осведомился: «Как живет Ладо, где он сейчас?». Последний вопрос сделал очевидной цель его прихода. Я насторожился и ответил ему,

что полагалось. Во время разговора жандармский агент старался как-нибудь заглянуть в нашу комнату, узнать, кто там. С трудом мне удалось отделаться от этого провокатора.

Прошел еще месяц. Однажды в контору обсерватории заявился жандарм. Мне было предложено явиться в жандармское управление. Приход жандарма вызвал подозрения у администрации, и она стала косо смотреть на нас. Перед моим уходом товарищ Сталин предупредил: «Должно быть тебя будут допрашивать о Ладо, держись крепко». И действительно, жандармский ротмистр Лавров долго выспрашивал о Ладо, желая узнать, когда и куда он уехал из Тифлиса, но на все вопросы я отвечал: «Не знаю».

Я рассказал потом товарищу Сталину об этом допросе. После этого он тоже стал держаться на улицах более осторожно. Товарищи перестали ходить к нам.

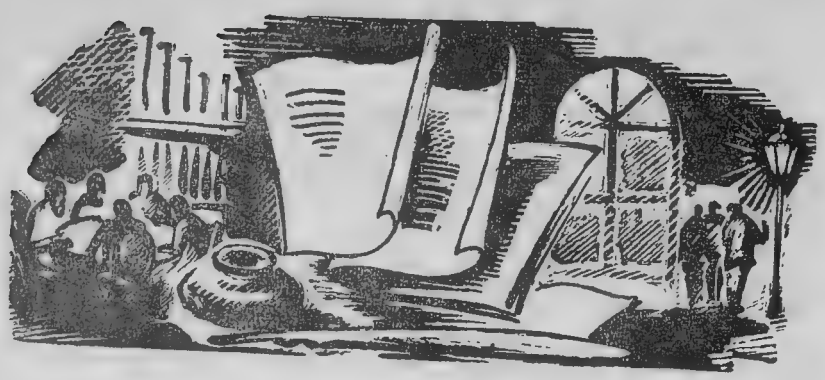
Жандармы, казалось, ослабили слежку, по крайней мере такое создавалось впечатление. Товарищ Сталин усилил работу среди железнодорожников, табачников. Потом он начал подготовлять знаменитую августовскую стачку железнодорожных рабочих, которая, как известно, окончилась победой стачечников.

Осенью 1900 года мне пришлось переехать в Баку, и я распрощался с обсерваторией. Остались работать в ней товарищ Сталин и Васо Бердзенишвили. Позднее я узнал об обыске, который в начале 1901 года произвела жандармерия в нашей квартире, и о переходе товарища Сталина на нелегальное положение. С тех пор товарищ Сталин был всецело поглощен нелегальной партийной работой.

...В один из сентябрьских дней 1912 года в Баку шли обыски и аресты. Ночью захватили и меня. На допросе жандармский ротмистр достал из ящика стола фотографическую карточку Иосифа Виссарионовича Сталина и, предъявив мне, спросил:

— Как фамилия этого человека?

— Незнаком,— ответил я коротко, соблюдая конспирацию.



В. БЕРДЗЕНИШВИЛИ

В ОБСЕРВАТОРИИ

В Тифлисской геофизической обсерватории мне довелось провести несколько лет в начале века, когда история тесно связала обсерваторию с жизнью фабрик и заводов Тифлиса.

Мне исполнилось тогда 19 лет. В феврале 1900 года поступил я в физическую обсерваторию в качестве вычислителя-наблюдателя.

Работал, как и остальные, в канцелярии над вычислениями. В неделю два раза нам приходилось дежурить. Дежурство дневное начиналось рано утром, в половине седьмого, и длилось до 10 часов вечера. Ежечасно мы обходили все приборы, имевшиеся на территории метеорологической площадки, отсчитывали температуру, наблюдали за облачностью, ветром, давлением и результаты наблюдения заносили в специально на то предназначенные тетради.

Ночное дежурство начиналось вечером, в половине девятого, и продолжалось до восьми утра. Тут уже ника-

ких перерывов на отдых не полагалось. Работа та же, что и дневная, с той лишь разницей, что днем помогал в работе сторож, а ночью приходилось работать одному.

После бессонной ночи, проведенной у метеорологических приборов, дежурный имел свободный день.

Тифлисская обсерватория обрабатывала также результаты наблюдений всех маленьких станций, разбросанных по всему Кавказу.

Заработная плата вычислителя-наблюдателя не превышала 20 рублей в месяц. И только прослужившему полгода надбавляли рублей пять, не больше.

Наблюдатели занимали четыре жилые комнаты при самой обсерватории, во флигеле, выходившем окнами во двор, но две комнаты были сырые, негодные для жилья. Над нами, во втором этаже находилась квартира директора обсерватории.

В конце ограды была калитка, ключи от которой находились у нас. Почти всегда пользовались калиткой, потому что парадный вход после окончания занятий обычно запирался.

Во дворе был замечательный сад. Фруктовые деревья перемежались с лиственными. Дорожки были посыпаны битым кирпичом. Ров, окружающий обсерваторию, изолировал сейсмические приборы от городского шума.

Перед самым зданием обсерватории, на Михайловской улице, останавливалась конка. Вагончики тянула пара лошадей, и только на под'емах добавляли пристяжных.

Наблюдателей в обсерватории было шесть, так называемых, вольнонаемных и один штатный, который в неделю раз замещал каждого из наблюдателей.

При поступлении моем в обсерваторию там уже работали Иосиф Джугашвили (Сталин), Мих. Давиташвили (которого сменил я) и Вано Кецховели — брат Ладо Кецховели.

Товарища Сталина я впервые встретил в семинарии, будучи слушателем одного из руководимых им нелегальных кружков.

В семинарию я поступил в 1897 году, окончив Телавское духовное училище. Той же осенью один из товарищей сообщил по секрету, что в семинарии суще-

ствуют нелегальные кружки, и предложил мне вступить в один из них.

Товарищ Сталин однажды принес с собой книгу Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Книгу эту он давал читать самым близким товарищам и потом задавал вопросы, интересовался, насколько усвоили они прочитанное.

В 1898 году, помню, товарищ Сталин повел меня в типографию Хеладзе, где работал тогда Ладо Кецховели, и познакомил с ним, потом во время рождественских каникул передал мне роман из немецкой рабочей жизни и две нелегальные брошюры, названий которых я уже не помню.

Свободные часы в обсерватории товарищ Сталин проводил обычно над книгами, усиленно занимался. Исключение составляли те дни, когда он ходил на нелегальные собрания рабочих.

В 1900 году, помнится, товарищ Сталин усиленно занимался, читал и перечитывал по нескольку раз все, какие только можно было достать тогда, книги на русском языке и частью на грузинском по истории западно-европейских революций.

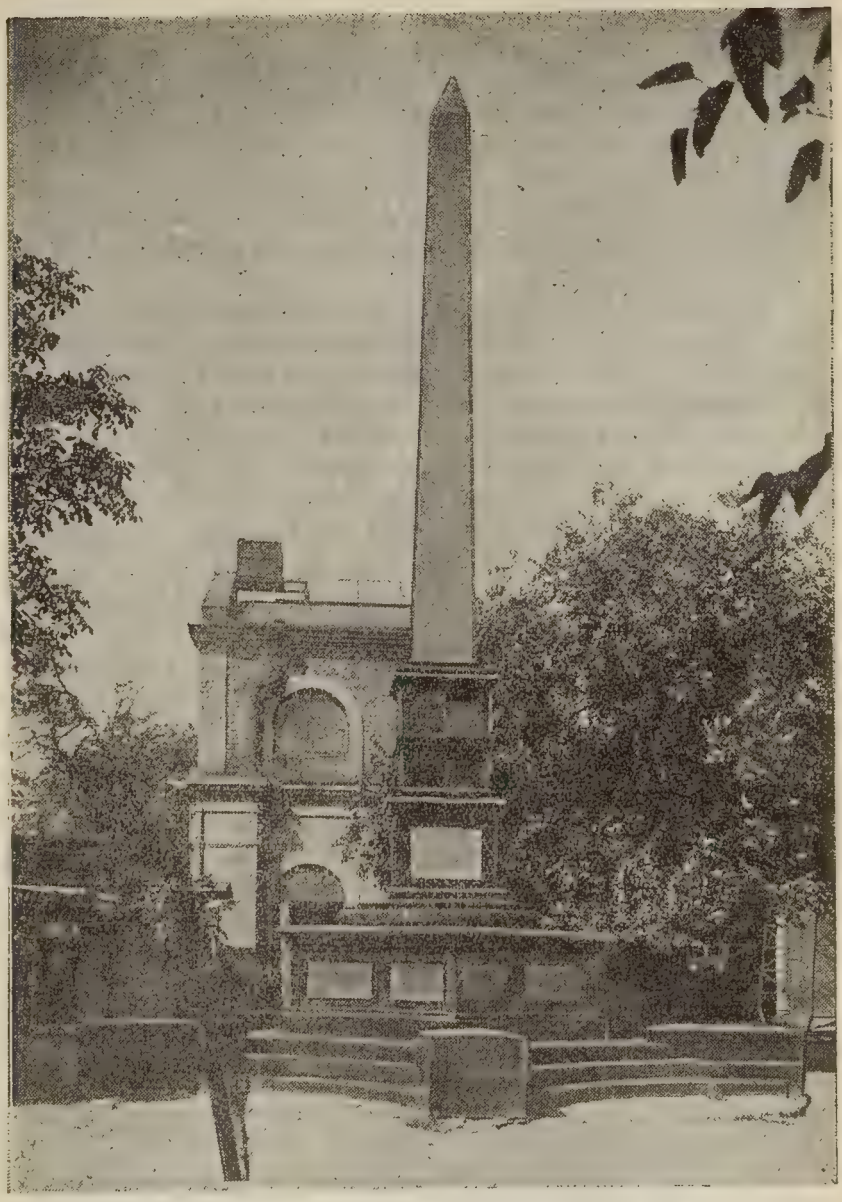
Книги мы доставали у букинистов и в общедоступной библиотеке Кайдановой. Эта библиотека оказывала нам большую услугу. Товарищ Сталин доставал также нелегальные брошюры, «Искру» и давал нам читать, но откуда и через кого он доставал эту литературу, никто из нас не знал. Сталин даже товарищам не говорил, куда он ходит, но я знал, потому что сам несколько раз бывал на занятиях рабочих нелегальных кружков.

Сталин всегда соблюдал строгую конспирацию. Выходя на улицу, он шел не туда, куда надо было, а в противоположную сторону, и приходил к нужному месту окольными путями.

Я предполагаю, что полицейская слежка за ним началась не от обсерватории, а с какого-либо другого места и потом привела к нашей квартире.

21 марта 1901 года, когда жандармерия производила обыск в наших комнатах, товарища Сталина дома не было.

Я в тот день после дневного дежурства пришел к себе усталый и, не раздеваясь, прилег на кушетку.



Обелиск на Тбилисском паровозо-вагоноремонтном заводе имени Сталина (в бывших Главных мастерских Закавказской железной дороги), где в 1898—1901 годах товарищ Сталин руководил нелегальными социал-демократическими кружками, первыми забастовками и политическими демонстрациями рабочих.

Это было уже после десяти часов вечера. Во сне слышу сильный стук в дверь. Проснулся, спрашиваю:

— Кто там?

Грубо отвечают:

— Отворите немедленно!

Я повторяю вопрос и слышу — говорят: «Из жандармского управления». Отворив дверь, вижу, стоит целая свора полицейских и жандармов. А перед ними подавленная фигура нашего сторожа, дежурившего в тот день вместе со мной.

Ворвались, опросили, кто я такой, кто еще тут живет, приступили к обыску. Обыскали сперва мою комнату, забрали и опечатали кое-какие легальные книги марксистского направления, составили протокол и дали подписаться. Потом вошли в комнату товарища Сталина. Перевернули все вверх дном, шарили по углам, перетряхнули постель, но ничего не нашли. Книги товарищ Сталин после прочтения всегда возвращал, не держал дома, а нелегальные брошюры мы прятали между черепицами, у самого берега Куры. В этом отношении товарищ Сталин был очень осторожен.

После обыска второй комнаты снова составили протокол. Ушли ни с чем.

Я страшно волновался после их ухода — не знал, как предупредить, как дать знать товарищу Сталину об обыске.

Оказывается, во время обыска, как потом рассказывал товарищ Сталин, обсерваторию окружили полицейские агенты, одетые в штатское, но узнать в них филеров наблюдательному человеку было не трудно.

Все это бросилось товарищу Сталину в глаза, когда он проезжал на конке. Заметив на остановке такую необычайную картину, товарищ Сталин не сошел и как ни в чем не бывало поехал дальше.

Сойдя у вокзала, он долго ходил по улицам в разных направлениях, чтобы только убить время, и потом уже узнать, в чем дело.

Наконец, пройдя на Михайловскую улицу, товарищ Сталин заметил, что агенты попрежнему наблюдают за обсерваторией. Пришлось снова уйти от места оцепления.

Долго ходил товарищ Сталин по городу, и когда

вторично подошел к зданию, никого вокруг уже не было. Но все же он не поверил внешним признакам и прошел во двор не как обычно — через калитку, с улицы, а окружным путем, по берегу Куры. Войдя в комнату, товарищ Сталин расспросил меня о случившемся. Я ответил, что были незванные гости.

Товарищ Сталин перешел потом на нелегальное положение.

Об этих годах на здании обсерватории на мраморе мемориальной доски написано:

«ВЕЛИКИЙ СТАЛИН — вождь ВКП(б) и мирового пролетариата жил и работал здесь, в Тбилисской геофизической обсерватории, с 28 декабря 1899 г. по 21 марта 1901 г., руководя нелегальными социал-демократическими рабочими кружками города Тбилиси».

А. БЕДИАШВИЛИ.

РАССКАЗ О СТАРОЙ И НОВОЙ ЖИЗНИ

Когда я впервые пришел на фабрику Адельханова — это было в 1890 году — нас, учеников, принимали с условием, что в течение трех лет мы будем работать бесплатно.

Выдавали еду — в день на десять копеек. Мне тогда исполнилось 14 лет, но были товарищи моложе, совсем еще дети.

Заставляли нас работать наравне со взрослыми.

Рабочий день начинался с 6 часов утра и заканчивался поздно вечером. Фабрика работала в году 7—8 месяцев, пока были заказы. Остальное время простаивала. Работа была сдельная — мастер получал за неделю рублей шестьдесят, но на долю каждого подмастерья перепадало рубля четыре. На фабрике работало несколько сот человек в самых тяжелых условиях. После трех лет ученичества я стал зарабатывать десять рублей в месяц. Мастера часто обсчитывали нас. Контора подводила итоги только барышам заводчика.

Среди рабочих помнится сутулая, но крепкая фигура Бесо (Виссариона) Джугашвили, отца Иосифа Виссарионовича Сталина.

Позднее, в конце девяностых годов, на фабрике вспыхнула первая забастовка, к нам приходил молодой человек, худощавый, с серьезным лицом, — собирал молодых рабочих и о чем-то с ними беседовал.

Много лет спустя я узнал, что это был наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин.

Я работаю на старом месте — ныне обувной фабрике № 1 имени Сталина.

На фасаде фабричного здания — мраморная доска с надписью:

«ВЕЛИКИЙ СТАЛИН—вождь ВКП(б) и мирового пролетариата здесь, на обувной фабрике, бывшей Адельханова, в 1899—1901 гг. организовал и руководил социал-демократическими рабочими кружками и забастовками рабочих».

◆ ◆ ◆

Адельханов наживался за счет наших грошей, жестокой эксплоатации. С ним конкурировал другой паук-кожевник, и когда ему удавалось захватить крупные подряды в свои руки — дела Адельханова начинали трещать, работа прекращалась. И тогда многие рабочие и мастера переходили к конкуренту до тех пор, пока были подряды. С нами вместе переходил на другую фабрику и Бесо Джугашвили, он считался хорошим, опытным рабочим.

Семья Бесо жила в Гори. Он приезжал на заработки.

В конце девяностых годов начались у нас забастовки. Мы требовали восьмичасового рабочего дня, улучшения условий труда, медицинской помощи, обеспечения на случай увечья и так далее. Нас поддерживали рабочие других предприятий Тифлиса, в особенности помогли нам забастовки в Главных мастерских железных дорог, которые также проводились под руководством товарища Сталина.

В 1901 году, помню, все мы вышли на первомайскую демонстрацию. От одних кожевников было несколько сот человек. Шли небольшими, незаметными группами к Солдатскому базару. У многих в руках были кизиловые пру-

тья. Когда полицейские и казаки обрушились на нас — им здорово досталось.

Накануне пятого года началась крупная забастовка. Адельханов закрыл фабрику. Четырнадцать месяцев кое-как перебивались мы, но на старые условия паука-живодера не соглашались. Фабрика охранялась полицией и казаками, и нас, как бунтарей, близко не подпускали.

Вернусь к началу. Когда я впервые поступил на эту фабрику, отец мой работал в деревне цирульником. Он все мечтал, что сын выйдет в люди, станет мастером, и тогда семья будет иметь в городе свой угол. У нас не было никакого пристанища. И самые скромные мечты разбивались тогда о жестокую действительность, нужду и бесправие.

Так складывалась жизнь в прошлом. Зато теперь старость моя обеспечена, счастлива. Грамоте я обучился лишь при советской власти. Газета очень помогает, знакомит с жизнью трудящихся нашей страны. В газете прочел я впервые Сталинскую Конституцию, — радовалось сердце, когда сравнивал жизнь рабочего класса прежде и теперь. Ясны, понятны мне наши права, великие права гражданина Советской Страны.

В прошлом для того, чтобы только заявить разжиревшему фабриканту о своих требованиях и правах, мы должны были посылать выборного, но его, в лучшем случае, выслушивали через окошечко или просто выгоняли. Самым верным разрешением вопросов была открытая политическая борьба с фабрикантами и царизмом.

Мне шестьдесят с лишним лет.

Государство дает мне пенсию, но я продолжаю работать. Молодость моя была тяжелой и бесправной — старость счастлива и радостна.

Л. МАМАЛАДЗЕ.

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

К маевке 1901 года тифлисские передовые рабочие стали готовиться еще с осени 1900 года. Нами руководил товарищ Сталин. Подготовка велась сугубо конспиративно, но жандармерия, оказывается, проведала про наши намерения. Начались аресты членов социал-демократических рабочих кружков.

Несмотря на репрессии, распространялись прокламации с призывом открыто отпраздновать 1 мая.

В марте мы созвали собрание для разрешения вопроса о том, где устроить демонстрацию. Под руководством товарища Сталина были обсуждены три варианта плана: по первому варианту—демонстранты должны были пройти от вокзала по Плехановскому проспекту до Пушкинского сада, где к рабочим присоединились бы семинаристы; по второму варианту — рабочие должны были собраться на Солдатском базаре, дойти до семинарии и, после присоединения к ним семинаристов, двинуться к дворцу; наконец, по третьему варианту—красный флаг должны были

поднять там же на Солдатском базаре и по Барятинской улице выйти к театру.

К назначенному сроку, 18 апреля, район вокзала находился под усиленной охраной. В связи с этим мы решили демонстрацию провести 22 апреля на Солдатском базаре. Рабочие, зная, что демонстрация вызовет столкновение с полицией и аресты, предупредили руководящих товарищей: товарищей Сталина, Захария Чодришвили, Михо Бочоридзе и других, чтобы они не присутствовали на демонстрации.

Предупредили и некоторых многосемейных рабочих, например, Георгия Татанашвили, который являлся единственным кормильцем в семье, чтобы они также не выходили на демонстрацию.

22 апреля 1901 года несколько тысяч рабочих собрались на базаре. Одни принесли с собой «на всякий случай» кизиловые прутья, другие пришли с корзинами, якобы за провизией.

Рабочие молча здороваются друг с другом и ждут сигнала.

Полицейские чрезвычайно нервничают. Они снуют среди рабочих — «покупателей», не зная, к чему придраться.

Пушкинская улица и семинария были в полосе полицейской осады. Товарищ Сталин, Михо Бочоридзе, Захарий Чодришвили находились в центре толпы рабочих. Георгий Телия, Николай Мачарадзе, Д. Лордкипанидзе, я и другие окружили товарища, у которого вокруг пояса был намотан флаг.

Вскоре мы узнали, что монахи проведали про замыслы семинаристов и заперли их в здании семинарии. В то же время выяснилось, что пройти дальше стало невозможно.

Товарищ Сталин предложил нам поднять красное знамя здесь же на базаре.

Все произошло в течение нескольких минут. Была принесена палка, и Георгий Телия прикрепил к ней знамя.

Под крики «ура» флаг взвился вверх. Георгий Татанашвили помог прикрепить его крепче, и мы двинулись вперед. Какое-то невыразимое чувство владело нами тогда. Стали провозглашать революционные лозунги. Отряд

Тбилиси. Улица Кропоткина. На первом плане дом № 9, где 11 ноября 1901 года состоялась первая конференция тифлисской социал-демократической организации и был избран первый Тифлисский комитет РСДРП во главе с товарищем Сталиным.

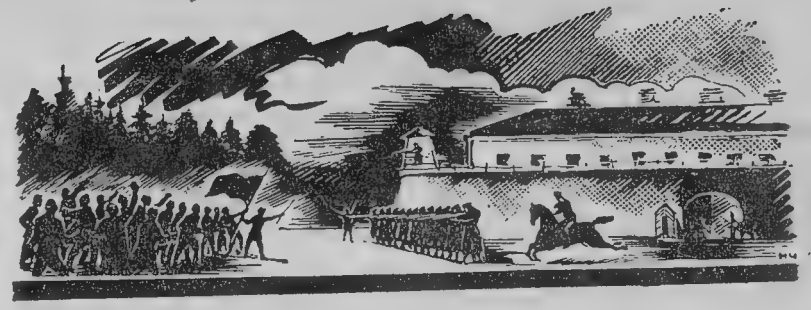
полицейских ринулся на нас. Однако, мы не опускаем флага, кулаками отбиваемся от наседающих на нас врагов.

Помню, я несколько раз наносил пощечины полицейским, досталось и приставу Гедеванову.

Рабочие крепко побили конных казаков и полицейских и сбросили с лошади пристава. Казаки и полицейские перешли в форменную атаку против демонстрантов, стреляли, били ружейными прикладами...

Я не отходил от флага до тех пор, пока без чувств не упал на мостовую. То же случилось со многими нашими товарищами. Нас на носилках перенесли в ближайший саперный батальон, а на следующий день, больных и раненых, отправили в тюрьму.

Арестованных долго терзали и мучили, но ничего не смогли узнать. Наконец, спустя год, выслали в Сибирь. С тех пор прошло много лет. С великой гордостью вспоминаю я первую нашу демонстрацию, подготовленную и проведенную под руководством нашего дорогого вождя и учителя товарища Сталина.



П. КУРИДЗЕ.

«СОЛНЦЕ БУДЕТ СИЯТЬ ДЛЯ НАС!»

Условия работы батумских рабочих на нефтяных предприятиях были очень тяжелыми. Мы работали по 15—16 часов в сутки, вынужденные простои не оплачивались, заработная плата была нищенской, существовала жесткая система штрафов.

Осенью 1901 года один из наших передовых, революционно-настроенных рабочих сказал мне, что из Тифлиса приехал партийный работник, пропагандист, который хочет с нами поговорить.

— Подбери наиболее надежных из своих ребят,— сказал он мне,— и устрой у себя дома собрание.

Я поговорил с товарищами, и в назначенное время в мой маленький домишко, находившийся в глухой и отдаленной части города, собралось человек тридцать рабочих.

Прихода тифлисского партийного товарища ждали с нетерпением. Раздался условленный стук, я открыл дверь, и в комнату вошел один из наших товарищей, а за ним наш гость.

Это был молодой человек лет двадцати двух, черноволосый, худощавый, с энергичным, резко очерченным лицом.

Это был товарищ Сталин, Сосо Джугашвили.

Мы познакомились, и после нескольких общих фраз завязалась оживленная беседа. Его речи привели меня в восхищение. Наконец-то мы поняли, в чем секрет эксплоатации и, самое главное, узнали, что освобождение пролетариата есть дело рук самих рабочих. Как ясно, просто и убедительно говорил товарищ Сосо; в его словах все раскрывалось само собой — положение рабочего класса, эксплоатация и угнетение его буржуазией, союз царя и капиталистов против рабочих, борьба пролетариата против самодержавия, свержение строя, как единственный путь к освобождению.

Часы текли незаметно. Наступил вечер, за ним ночь, а мы все сидели в накуренной комнате, затаив дыхание, и слушали нашего гостя. Но все же нужно было расходиться. На прощанье товарищ Сосо сказал нам:

— Нужно создать политические кружки. Организуйте несколько небольших кружков, и я буду вести занятия.

Мы с радостью приняли это предложение. В короткий срок было создано 11 кружков. Никогда не забудутся эти дни и недели близких встреч с Сосо Джугашвили, пламенным и мудрым нашим учителем.

Занятия происходили конспиративно. Сам товарищ Сталин придавал конспирации огромное значение. Если он приходил в пальто, то уходил, обязательно переодевшись. Он успевал иногда проводить в день два занятия, был аккуратен, никогда не опаздывал, дорожил и своим временем и нашим. Мы полюбили Сосо и сильно привязались к нему. Непередаваемая манера обращения с людьми — обаятельная простота, внимательность, умение слушать и с первых слов постигать человека — привлекли к нему наши сердца, а его ум, мужественность и смелость воодушевляли нас решимостью итти с ним вместе в борьбу и бороться до победы.

Прошел месяц. Накануне нового года товарищ Сталин собрал всех старост кружков и предложил устроить товарищескую встречу нового года. Предложение было встречено с радостью.

Фото товарища Сталина (1902 г.), найденное в архиве Тифлисского жандармского управления.

В ночь под новый год мы собрались на квартире у Сильвестра Ломджария.

Шутки Сталина вызывали взрывы смеха. Все чувствовали себя превосходно. Как-то незаметно беседа наша перешла на политические темы, и тут снова в наступившей тишине взволнованно звучал сталинский голос.

Так просидели мы до рассвета. Когда в окна проник розовый свет зари, Сталин поднял бокал и сказал:

— Ну, вот и рассвет. Скоро встанет солнце. Настанет время, это солнце будет сиять для нас.

В эту ночь оформилась батумская социал-демократическая организация. Здесь же была выделена руководящая партийная группа во главе со Сталиным.

Так мы встретили со Сталиным памятный 1902 год.

События этого года развернулись очень быстро. Начались они со случайно возникшего пожара на складе завода Ротшильда. Администрация мобилизовала рабочих на тушение пожара. Двое суток боролись мы с разбушевавшейся стихией, пока не потушили огонь. Мы думали, что эти дни нам будут оплачены, но не тут-то было. Администрация с непревзойденной наглостью заявила нам, что «пожар не работа». Как быть? Тут нам на помощь пришел Сталин. «Идите в контору и требуйте», — сказал он.

После шабаша мы собрались у конторы и вызвали директора. Толпа была такая внушительная, что испуганный директор выслал приказчика и велел сказать, что за тушение пожара рабочие получат по 2 рубля. Удовлетворенные этим ответом, мы разошлись.

Эта «двухрублевая победа», как мы ее тогда назвали, была нашей первой победой над капиталистами. Сейчас об этом смешно вспоминать, но тогда это была действительно победа. Рабочие стали активнее, почувствовали свою силу. Но и администрация кое-что поняла. Она увидела, что среди рабочих появился кто-то сильный и авторитетный, который может причинить много неприятностей.

Зашевелилась полиция.

Начались аресты. Вскоре был вывешен приказ об увольнении многих рабочих. В вывешенных списках увольняемых — все сплошь передовые, самые лучшие рабочие. Мы страшно возмутились и решили не допускать произвола. Нашего Сталина в этот момент в Батуме не

было, он выехал на несколько дней в Тифлис за типографским станком и шрифтом. Его отсутствие нас смущало, без него трудно было решиться на серьезный шаг. Однако, сталинская школа говорила нам — «нужно действовать, нужно быть смелыми».

Мы приняли решение пред'явить дирекции ультиматум: или все уволенные принимаются обратно, или забастовка!

Дирекция ответила отказом, и на заводе вспыхнула забастовка.

К этому времени из Тифлиса подоспел Сталин. Он остановился у Ломджария. Я поспешил к нему, вхожу в комнату и не узнаю — он без усов и бороды. Мелькает мысль — «конспирация».

Я показал Сталину текст наших требований. Он одобрил и добавил пункт об оплате вынужденного прогула. Я усомнился в реальности этого требования, но Сталин рассмеялся: «Не беспокойся, они напуганы и заплатят».

На другой день мы пошли на завод пред'явить свои требования. Из Кутаиса приехал, вызванный Ротшильдом по телеграфу, генерал-губернатор Смагин. Он вышел к рабочим, прочел наши требования, рассвирепел и закричал: «Разойтись!»

Мы разошлись, но к работе не приступали.

В ту ночь арестовали 32 рабочих нашего завода. Узнав об этом, Сталин предложил ответить на арест политической демонстрацией.

8 марта 1902 года на улицах Батума состоялась первая политическая демонстрация рабочих, организованная товарищем Сталиным.

Мы отправились к тюрьме, где сидели наши товарищи, с требованием освободить арестованных.

На другой день состоялась новая, еще более внушительная демонстрация, организованная товарищем Сталиным.

С пением революционных песен двинулись мы к пересыльным казармам.

Снова появились войска, но на этот раз положение было серьезнее.

Мы решили не отступать и во что бы то ни стало добиться освобождения товарищей. Увидев демонстрацию, заключенные подняли шум и стали ломать двери.

Атмосфера накалялась с каждой секундой. Толпа угрожаще двинулась к воротам тюрьмы.

И тогда раздались выстрелы. Войска стреляли в народ.

В тот день пролилась рабочая кровь, но мы одержали победу. Этот один день сделал то, чего не смогли сделать годы. Рабочие прозрели. Они увидели своего врага во всем его зверином обличии. Политическое сознание масс гигантски шагнуло вперед.

Похороны жертв 9 марта вылились в грандиозную демонстрацию, во время которой распространялась знаменитая прокламация товарища Сталина, сыгравшая огромную революционизирующую роль.

Вскоре после этого товарищ Сталин был арестован. Мы, крепко помня его слова и указания, продолжали борьбу, вдохновленные его примером беззаветной преданности делу пролетарской революции.

К. КАЛАНДАРОВ.

СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА БОРЬБЫ

В 1897—98 гг. я работал на мостостроительном заводе Карапетова в Тифлисе слесарем в инструментальном цехе.

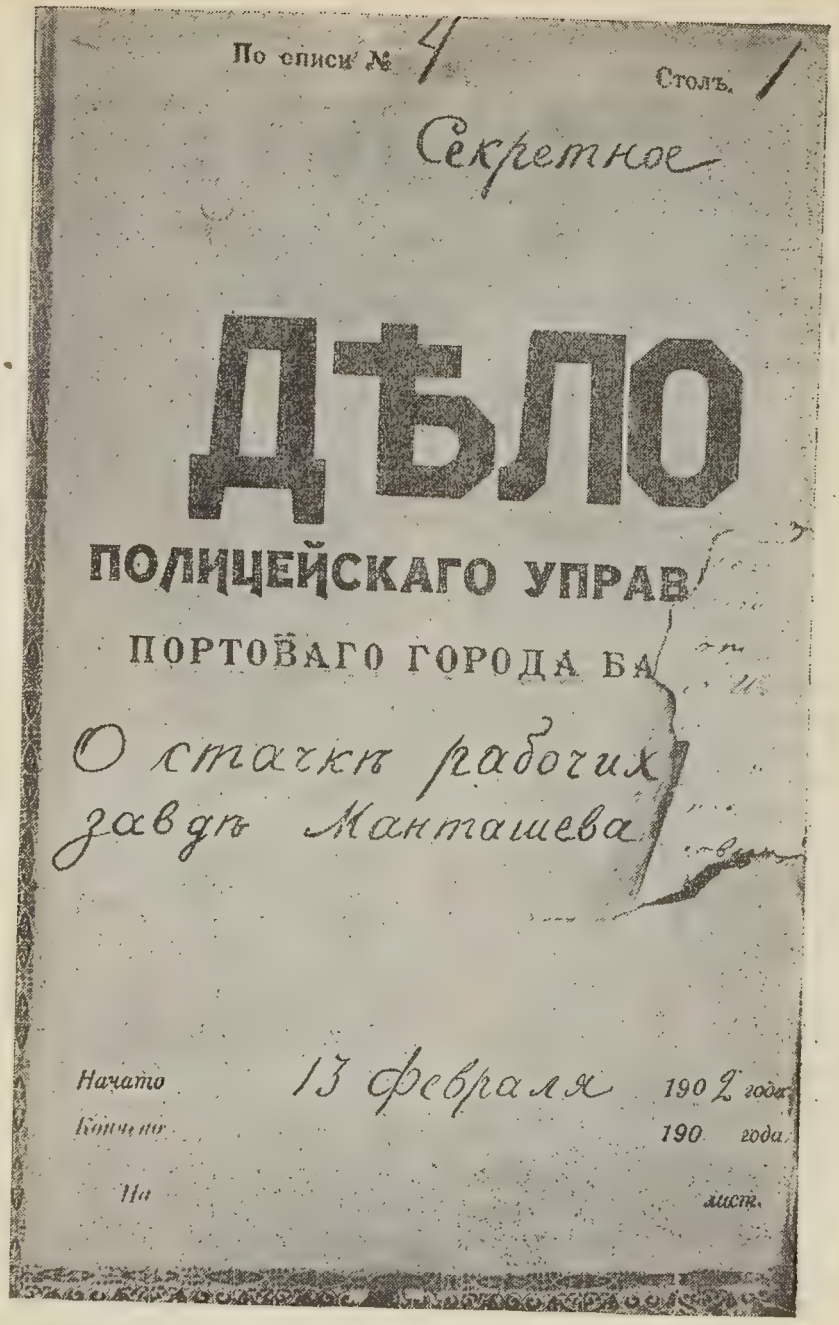
Однажды разметчик, к сожалению, я не помню его фамилии, спросил — не хочу ли я заниматься самообразованием.

Я охотно согласился, и наш разметчик повел меня к себе на квартиру, помещавшуюся по Авчальской (ныне Советской) улице. Здесь были 6 товарищей с различных заводов.

Руководил этим кружком товарищ Сосо.

Сталин знакомил нас с «механикой» капиталистического строя, рассказывал о рабочем движении, о том, что улучшение экономического положения рабочих невозможно без политической борьбы против царского самодержавия.

Эти беседы товарища Сталина в нашем кружке ста-



По описи № 4 Столъ. 1

Секретное

ДѢЛО

ПОЛИЦЕЙСКАГО УПРАВ

ПОРТОВАГО ГОРОДА БА

О стачкѣ рабочих
завдѣ Манташева

Начато 13 февраля 1902 года
Кончено 190 года
На лист.

«Дело», заведенное полицейским управлением портового города Батума о стачке рабочих на заводе Манташева. 1902 год.

новились все увлекательнее. Он умел говорить так просто, с огромным знанием вопроса; к тому же товарищ Сосо был очень остроумным собеседником. И еще одно — здесь, на этих занятиях, мы получали от него раз'яснения по всем вопросам, возникавшим у нас в повседневной работе, в наших беседах с товарищами на заводе.

Занятия нашего кружка продолжались свыше года, и в течение этого времени мы многому научились, и все, что мы узнали, было совершенно ново для нас и так непохоже на то, что обычно рассказывали нам в воскресных школах.

Памятна забастовка железнодорожных рабочих 1900 года в Тифлисе. Во время этой забастовки, в числе других товарищей, я был арестован. Спустя месяца три, выйдя из тюрьмы, в поисках работы я поехал в Карс, но, не устроившись там, переехал в Батум.

Здесь устроился слесарем на заводе Манташева. Поселился я в квартире товарища, также работавшего на этом заводе.

Это были тяжелые годы — изнурительная работа на заводе, мизерная заработная плата, штрафы, увечья, которые рабочие получали вследствие отсутствия технического надзора, и бесконечные соглядатаи, которые доносили администрации обо всем, что слышали в рабочей среде.

До приезда товарища Сталина в Батуме не было массового движения рабочих.

Сталин приехал в Батум в ноябре 1901 года. Он устроился в нашей квартире.

В первые же дни товарищ Сосо устанавливает связь с передовыми рабочими заводов Ротшильда, Манташева, Сидеридиса и, таким образом, под его руководством организуется первый рабочий кружок, в состав которого входило человек пятнадцать.

Я вспоминаю, как однажды недалеко от вокзала состоялась встреча и беседа Сталина с членами кружка.

С какой жадностью ловили рабочие каждое сталинское слово! И это понятно, ибо он один, как никто другой, умел вплотную подвести рабочего к насущным задачам рабочего движения. К тому же надо иметь в виду, что товарищ Сосо говорил всегда увлекательно, просто, все время обращаясь к примерам и фактам. Тесным коль-

Демонстрация батумских рабочих, организованная под руководством товарища Сталина, 8 марта 1902 года перед батумской тюрьмой. (Архивный снимок).

цом окружив товарища Сталина, мы обычно с волнением слушали его ясные, простые речи. Он говорил о мелочах нашей рабочей жизни, о прибылях капиталистов, о том, как они получают эти прибыли за счет эксплоатации рабочих, о самодержавии, о духовенстве. Мы расходились бодрые поздно ночью.

Эти беседы снискали глубокую любовь рабочих к Сталину. Работа в отдельных кружках, систематические беседы Сталина с передовыми рабочими уже в 1901 году позволили нам созвать первую массовую сходку.

Сходка эта состоялась на площадке, рядом с заводом Цовьянова, ночью. Собралось 200—300 рабочих с заводов Ротшильда, Манташева и др. Поодаль от площадки, на горке, находились батарейные прожекторы.

Рабочие приготовились к беседе. И вот поднялся Сталин. Прозвучали первые слова его увлекательной, убежденной речи. Он призывает рабочих к беспощадной борьбе с самодержавием и капиталистами. В это время луч прожектора, бороздя небо, внезапно снопом падает на площадку, на которой разместились рабочие, и освещает фигуру Сталина. Мы, признаться, были встревожены — нас могли заметить и окружить. Но Сталин спокойно закончил фразу, и мы разошлись, унося с собою волнующие мысли и решимость к борьбе.

В том же году в Чаоба, за холерными бараками, на поляне, окруженной кустарниками, ночью состоялась новая массовая сходка рабочих. Собралось человек 200. Мы подходили по 2—3 человека, шли разными дорогами. На пути к месту сходки были расставлены дозоры. Собрание продолжалось более часа. Сталин выступил с речью, продолжавшейся минут 30.

Эти сходки, организованные под руководством Сталина, показали нам, каким блестящим конспиратором был товарищ Сосо. Маленькая деталь: он появлялся на собраниях иногда в башлыке, повязанном по-аджарски, иногда в шляпе и большей частью с кашне.

На нашей квартире, в доме № 13, по Пушкинской улице, Сталин жил около двух месяцев, затем перешел к братьям Дарахвелидзе. Дело в том, что рядом с домом, в котором мы жили, поселился околоточный надзиратель Инцкирвели. Нам такое «соседство» нисколько

не улыбалось, и мы, посоветовавшись со Сталиным, решили переменить квартиру. Я переехал в Барцханы.

Мне хочется рассказать об одном интересном эпизоде. Рабочие, увидев, что у товарища Сосо износились ботинки, решили купить ему новые. Сосо решительно отклонил их предложение.

— Подарок ваш,— сказал он,— приму тогда, когда у вас самих будет лучшая обувь.

◆ ◆ ◆

Еще до приезда Сталина в Батум мы сумели накопить небольшой запас шрифтов, которые наборщики приносили в карманах. Эти шрифты нам пригодились для нашей подпольной типографии, организованной Сталиным. Части для этой типографии изготовлялись мною и еще одним рабочим. Мы свозили эти части на дрогах, на которых обычно вывозили опилки с завода.

Не было ни одного события—крупного или малого—в нашей жизни того периода, в котором бы Сталин не принимал непосредственного участия. Помню такой случай. Возник пожар в лесном отделе завода Ротшильда в 1902 году.

Тревожные гудки. Рабочие высыпали с завода. Пламя разрастается. Администрация предлагает рабочим принять участие в тушении пожара, обещая за это особое вознаграждение. Однако, после того, как пожар был потушен, рабочим отказали в выдаче обещанного вознаграждения. Это вызвало волнение среди рабочих. По предложению Сталина, мы настояли на своих требованиях и добились их удовлетворения.

Товарищ Сталин в те годы, на заре революционного движения, звал нас к счастливой, радостной жизни.

Эта счастливая радостная жизнь для нас настала.

ВЕРА ЛОМДЖАРИЯ

СТАЛИН ВОСПИТАЛ В НАС МУЖЕСТВО И НЕНАВИСТЬ К ВРАГУ

Вечерело. Сильвестр пришел домой с двумя товарищами.

— Сестра,—сказал он мне,—мы должны их устроить понадежней.

Почти все комнаты у нас были заняты жильцами-рабочими. Оставалась одна свободная, в ней устроили обоих.

Внимание привлекал незнакомец, прикрывший лицо башлыком. Держался он прямо, и взгляд его был проницателен.

Его звали Сосо.

Это было в последних числах декабря.

Наступил канун девятьсот второго года. Вечер необычный. Товарищ Сосо ждет рабочих с заводов—надежных, верных товарищей.

Брат мой Порфирий и с ним еще двое следят за дорогой. Вокруг лес, тишина. Невдалеке еще один дом.

Батуми. Бывшие пересыльные казармы, перед которыми 9 марта 1902 года была проведена под руководством товарища Сталина всеобщая политическая демонстрация батумских рабочих.

Собрались рабочие. Как-будто встречаем новый год, но речи необычные.

Говорит товарищ Сосо. И с первых же слов захватило всех. Говорит о том, как рабочие должны отстаивать свои права.

Особенно ново все это было для нас, женщин, но товарищ Сосо и нас потом втянул в работу.

В тот вечер он долго беседовал с рабочими. Каждый из них должен был подобрать, организовать товарищей.

В следующий раз Сосо провел сходку на кладбище. Собралось много народа. Все — рабочие с заводов.

Было это ночью.

Выбрали удобное место.

Сталин говорил долго и горячо. Рабочие тесно сплотились вокруг товарища Сосо, напряженно вслушиваясь в его пламенные слова.

Сталинские прокламации шли в гущу рабочей массы. Они переходили из рук в руки, и те, которые не были на сходке, проникались сознанием своей силы для борьбы с капиталистами.

На следующий день после митинга я пошла на кладбище, вижу — жена одного из наших товарищей Агати подбирает окурки, бумажки, заметает следы вчерашней сходки.

Товарищ Сосо в первые же дни учил рабочих конспирации, учил, как надо, борясь, оберегать рабочее дело от шпионов и предателей.

На следующем собрании обсуждали требования, которые должны были пред'явить предпринимателям. Сталин об'яснял рабочим, что требовать. Он прекрасно знал положение и нужды рабочих.

Представители рабочих пошли к заводчикам. Им ответили: хорошо, дадим, а на следующий день их арестовали.

Рабочие были возмущены. Товарищ Сосо организовал демонстрацию. 8 марта мы двинулись к месту заключения с требованием освобождения арестованных. В толпе, в ряду с мужчинами, шли женщины.

Подошли вплотную.

Арестанты видят это из окон, кричат, приветствуют

нас. Решетки и стены, казалось, сотрясаются, и живой поток прорвется наружу.

Тюремное начальство, испугавшись, сообщило рабочим, что арестованных переведут в пересыльные казармы. Солдаты выстроились шпалерами, вывели 32 рабочих и повели, а толпа рабочих — следом, требует освобождения. Все, кто вошел в казармы, были арестованы — несколько сот человек. Среди них и мой брат Порфирий. Меня и женщин вообще солдаты отгоняли.

Товарищ Сосо усиленно подготавливал в тот вечер новую мощную демонстрацию рабочих. С утра двинулись рабочие с заводов стройными рядами к пересыльным казармам. Демонстрацией руководил товарищ Сосо.

Я пошла вместе с мужем. Шли с песнями, пели народные песни.

Как услыхала пересыльная казарма — пришла в движение, загудела.

В самом разгаре демонстрации я видела, как один рабочий схватил ком земли и кинул в капитана Антадзе.

Арестованные в это время взломали ворота и выскочили наружу. Солдаты по сигналу дали залпы по демонстрантам. В воздух, потом по людям. Многих скосило. Как потом выяснилось, убитых было 14 и много раненых. Народ, в замешательстве подался в стороны. Товарищ Сосо бросился в самую гущу, призывал, чтобы не было растерянности, об'яснял, что делать дальше.

Вскоре площадь опустела. Солдаты составили ружья. Сосо ходит с товарищами, приглядывается, пренебрегая опасностью.

Я в это время бегала, искала брата, думала — убит. Кто кричит — «помогите», кто — «воды»...

Набрасываюсь на околоточного Инцкирвели, плачу, как сумасшедшая. Он опешил, растерялся. «Не я убивал,— говорит трусливо,— это Антадзе».

Убитых и раненых подобрали наши женщины: Деспине Шапатава, Наталия Киртадзе, Гаяне Чхаидзе и др. Свезли на дрогах в больницу.

Рабочие готовились к похоронам. Сталин говорил им, что борьба впереди. На работу никто не вышел. К моменту выноса погибших из больницы, казалось, весь рабочий Батум пришел на похороны.

Казаки и вся жандармерия были поставлены на ноги,

окружили процессию, под угрозой расправы не разрешали петь.

Шли молча.

С нами товарищ Сосо.

У братской могилы тесно сгрудились. Жандармы не дают произносить речи. Один из рабочих, сильный, горячий человек, видно, хочет сбросить ненавистного жандарма в яму.

Сосо, стоявший возле и зорко следивший за всем, заметил это и передал через товарища: «Не смей, видишь цепь,— народ пропадет».

Засыпали гробы землей, простились, стали расходиться.

Казаки — следом за нами, и вдруг, видимо в насмешку, запели похоронную.

Рабочие скорбели молча и повторяли слова Сталина, что придет наше время, скинем царское самодержавие и тогда с марсельезой придем на могилу — расскажем вам, погибшим, о победе рабочего класса.

Мы помогали нашим мужьям и братьям. Товарищ Сосо всячески вовлекал нас в революционную работу. По его инициативе мы стали устраивать рабочие спектакли на небольшой железнодорожной сцене. Играли пьесы «Сибирели», «Картвели деда». Полиция смотрела на это, как на безобидное дело, но сбор шел в помощь арестованным рабочим.

Кроме того, товарищ Сосо привлекал нас к революционному делу.

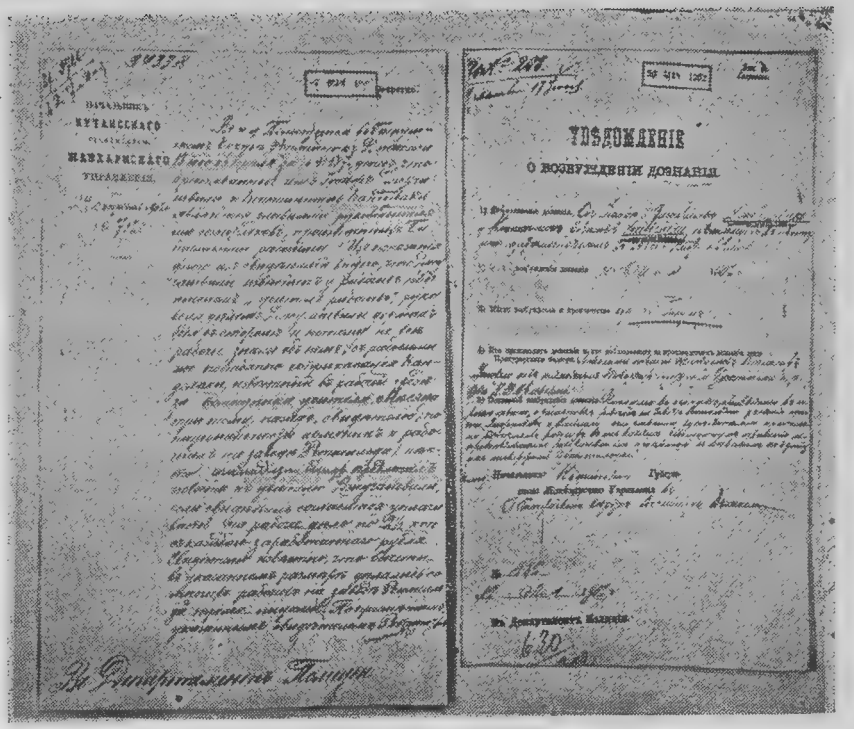
Самой замечательной из женщин, самой развитой была Деспине Шапатава. Она знала языки грузинский, армянский, азербайджанский, греческий. Она помогала товарищу Сосо в самой трудной и опасной работе революционного подполья.

Недаром после ареста Сосо ярость жандармов обрушилась на Деспине.

Когда товарищ Сосо жил у нас, мы прятали печатный каток и шрифт,— на ночь закапывали в кукурузнике возле дома.

Сталин и его товарищи печатали обычно днем.

Товарищ Сталин дорожил временем, мало уделял внимания еде, посторонним разговорам, садился к столу,



Переписка Кутаисского губернского жандармского управления с департаментом полиции по поводу ареста И. В. Сталина в апреле 1902 года и его руководящей роли в революционном движении. В этой переписке говорится о том, что «главным руководителем беспорядков, произведенных батумскими рабочими», является «учитель рабочих» Иосиф Джугашвили.

писал прокламации. Потом приходили к нему рабочие за советом и указаниями, и он подолгу беседовал с ними.

Вскоре оставаться ему в нашем доме стало опасно.

Однажды брат мой видит в окно — идет к дому пристав Чхиквадзе со стражниками. Вначале, не сообразив, он хотел потушить лампу, но товарищ Сосо спокойно остановил его,— это навлекло бы подозрения. Брат вышел навстречу приставу и, на вопрос, указал на постороннюю квартиру. Пока те шарили там, товарищ Сосо успел скрыться.

В апреле 1902 года Сталина арестовали. Я снова увидела его в 1904 году. Он бежал из ссылки. У нас

товарищ Сосо появился в солдатской одежде. Его стали звать тогда «Коба».

Товарищ Сталин прожил у нас несколько дней.

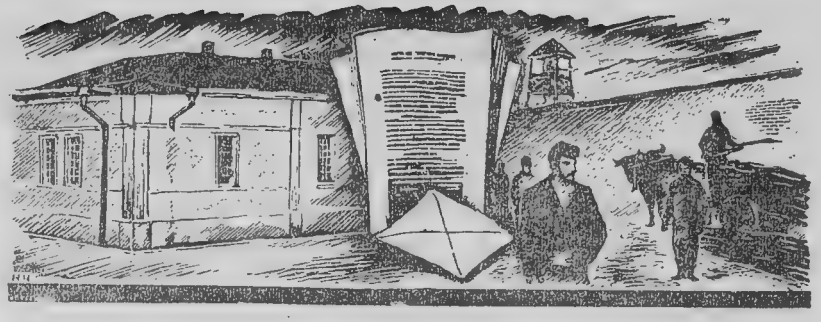
После его перехода на другую квартиру, слышу ночью шум во дворе. Муж был на службе. Солдаты окружили дом. Это было в полночь. Утром, на рассвете открываю дверь — на ступеньке сидит офицер. Днем пришли жандармы, солдаты ушли. Жандармы перевернули все вверх дном,— ничего не нашли, взяли только револьвер мужа. Угрожали мне, спрашивали, где наш «квартирант». По имени его не называли.

После этого меня вызвал палач князь Гуриели, все выспрашивал.

Я ответила, что мое дело — работа в огороде, и ничего я не знаю.

В те памятные дни товарищ Сосо беседовал иногда со мной, об'яснял, какой будет наша жизнь, когда мы свергнем царя и капиталистов. То, что он говорил тогда, я вижу теперь воплощенным в жизнь.

Капиталисты сулили нам рай на небесах, а на земле душили нас. Теперь этот рай небесный мы предоставили им, а жизнь свою построили сами, под руководством ленинской партии, под руководством мудрого вождя, родного Сталина — жизнь счастливую, радостную.



НИНУЦА МОДЕБАДЗЕ

РАССКАЗ О НЕЗАБЫВАЕМОМ

Я была у сестры, Деспине Шапатава, когда привели Геронтия Каландадзе, раненого на демонстрации перед пересыльными казармами.

Его поднял и вывел товарищ Сталин. Геронтий был ранен легко. От места остановки фаэтона до дома он шел, поддерживаемый под руку.

Собрались соседи, любопытные, и мы боялись оставить его у Ивилиана Шапатава. Товарищ Сталин предложил нам перевести Геронтия в другое место. Раненого повели в дом моего мужа, Георгия Модебадзе — рабочего завода Ротшильда. Мы жили поблизости, в Чаоба, в глухом заболоченном рабочем поселке. Товарищ Сосо не заходил к нам, но присылал рабочих — справлялся о здоровье товарища Геронтия. Эта забота бодрила раненого.

В тот памятный день — 9 марта 1902 года — я не была на демонстрации, мне пришлось остаться с детьми Деспине.

Настали тревожные дни. Нужна была строгая конспирация.

Товарищ Сталин жил в доме Русидзе. Две комнаты занимали братья Дарахвелидзе, а в смежной узкой комнате жил товарищ Сталин. Комната не имела окна, наружная дверь была всегда на замке и не привлекала к себе внимания. Ниша, заменявшая внутреннюю дверь, была завешана платьями и походила на стенной шкаф.

В другой половине дома жили Ивилиан и Деспине Шапатава.

В конспиративной комнатке установили печатный станок. Здесь работал товарищ Сталин, здесь печатались сталинские прокламации и в глухую ночную пору собирались на совещание передовые рабочие.

Сестра Деспине часто разносила прокламации надежным товарищам. Товарищ Сталин привлекал к революционной работе и женщин, беседовал с ними на революционные темы.

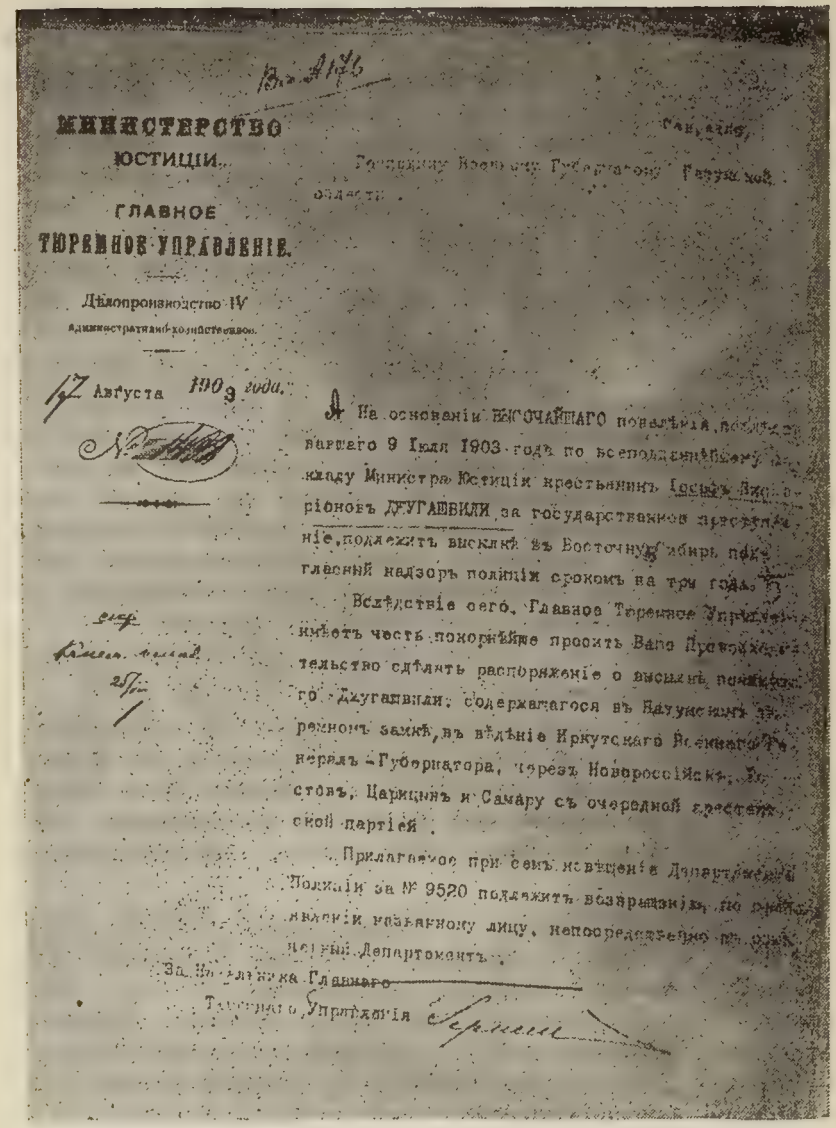
Мы с сестрой были сироты, Деспине в детстве жила у старшего брата Мате, передового рабочего табачной фабрики, и там научилась говорить на русском, армянском, греческом языках. Деспине была очень живой, решительной и смелой женщиной. Я слышала, что однажды она остановила поезд, подняв красный флаг, видимо, по заданию организации, чтобы дать возможность сойти товарищам за городом.

Муж мой работал кочегаром на заводе Ротшильда. Рабочим стало известно, что скоро начнутся обыски. Георгий, вернувшись с работы, поручил мне сообщить об этом товарищу Сосо. Я побежала к Деспине, предупредила, что грозит опасность.

Товарищ Сталин писал в это время прокламации. Он спокойно выслушал Деспине и, только закончив работу, стал обсуждать с товарищами вопрос о переброске типографии в более надежное место. Станок разобрали и перевезли в дом Сильвестра Ломджария. Сталин объяснял нам, как надо вести себя в случае обыска, учил конспирации. Мы, женщины, были дозорными. К нам полиция относилась с меньшим подозрением, и это облегчало нашу работу — помощь мужьям и братьям.

В тот самый день, когда перевезли станок, мне по-

В. А 176



МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦІИ.

ГЛАВНОЕ
ТЮРЕМНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Дѣлопроизводство IV
административно-хозяйственное.

17 Августа 1903 года.

№ [illegible]

Секретно,

Господину Военному Губернатору Батумской области.

На основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, послѣдовавшаго 9 Іюля 1903 года по всеподданнѣйшему докладу Министра Юстиціи крестьянинъ Іосифъ Виссаріоновъ ДЖУГАШВИЛИ за государственное преступленіе, подлежитъ высылкѣ въ Восточную Сибирь подъ гласный надзоръ полиціи срокомъ на три года.

Вслѣдствіе сего, Главное Тюремное Управленіе имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о высылкѣ помѣщеннаго Джугашвили, содержащагося въ Батумскомъ тюремномъ замкѣ, въ вѣдѣніе Иркутскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, черезъ Новороссійскъ, Ростовъ, Царицынъ и Самару съ очередной арестантской партіей.

Прилагаемое при семъ извѣщеніе Департамента Полиціи за № 9520 подлежитъ возвращенію, по предъявленіи названному лицу, непосредственно въ означенный Департаментъ.

За Начальника Главнаго
Тюремнаго Управленія [illegible]

Отношение Главного тюремного управления военному губернатору Батумской области о высылке И. В. Сталина в Восточную Сибирь.

ручили припрятать два ящичка с какими-то частями станка, я их зарыла в стружки. На второй день после обыска за ними пришла Деспине.

Опасения товарищей оправдались. 5 апреля ночью дом Русидзе был окружен полицейскими.

Товарищ Сталин уже из тюрьмы дал задание надежней припрятать и сохранить все уцелевшее ценное, а ненужное сжечь, чтобы не было лишних следов. Типография находилась в надежном месте. Оставалось спрятать чемодан товарища Сосо с литературой. При обыске полиция не тронула чемодана. Она, видимо, хотела выследить, кто явится за ним. Мы догадывались об этом. В течение четырех дней нам все не удавалось вынести чемодан из дому. Обыски и налеты на дом Русидзе повторялись. Приходили и днем, и ночью—в разное время. При обысках, хотя и осматривали чемодан, но не забирали. Ключ от комнаты, в которой до ареста жил товарищ Сосо, мы передавали, когда требовала полиция, через ребенка, намеренно избегая присутствовать при осмотре комнаты. В конце-концов братья Ломджария и еще кто-то третий незаметно пронесли чемодан.

После этого был обыск. Полицейские упорно что-то, кого-то искали, допрашивали, хотели взять на испуг.

Во время обыска раз'яренный стражник спрашивал: где чемодан? После этого Деспине несколько раз вызывали в полицейское управление и, говорят, били после допроса. Сама Деспине нам ничего не рассказывала, она была стойкая и скрытная. Она прошла хорошую школу конспирации.

Пристав Чхиквадзе однажды, после обыска, увел Деспине. Ребенка ее сбросили с постели. В полицейском участке Чхиквадзе показал прокламацию, требовал, уговаривал, чтобы сказала — кто и где печатал. Деспине отговаривалась, что занята хозяйством и не знает ничего. Вернулась Деспине измученная, но твердая духом. Это повторялось несколько раз.

От удара в грудь началась болезнь Деспине, и в декабре 1904 года она умерла.

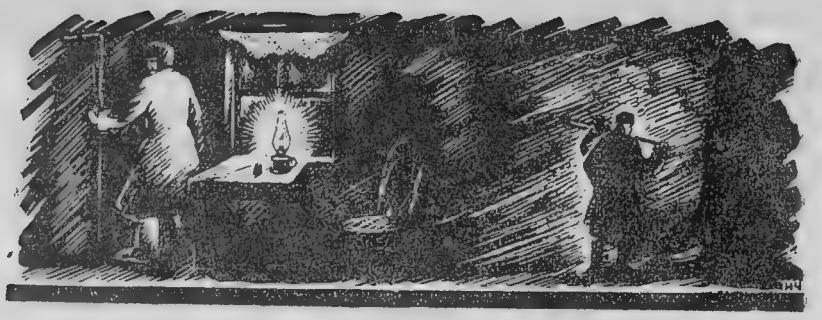
Тело сестры перенесли из больницы домой, с похоронами медлили два дня,— оповестили всех, сообщили о смерти в Тифлис. Из Тифлиса и других мест прислали венки. За гробом шло около двух тысяч человек, среди

них много женщин. Двигались нарочито медленно, высоко подняв гроб. Несли гроб рабочие, их жены, сестры.

Палач Гуриели, узнав, что на кладбище Соук-су собрались рабочие, выслал из Городка стражников — разогнать демонстрацию. В это время начался митинг, с речами выступали рабочие, из женщин—Наталия Киртадзе и другие.

В гроб упала листовка, это заметили подошедшие стражники, хотели поднять, но рабочие не дали, оттеснили назад.

Деспине Шапатава похоронена рядом с братской могилой рабочих, расстрелянных на демонстрации 9 марта. Память о ней хранит каждый, кто помнит эти героические дни борьбы батумских рабочих с самодержавием.



НАТАЛИЯ КИРТАДЗЕ

ПОБЕГ СТАЛИНА ИЗ ИРКУТСКОЙ ССЫЛКИ

Накануне уже шла подготовка к демонстрации. Рабочие оповещали друг друга, что 9 марта надо выйти на улицу — требовать освобождения товарищей. Того, кто готовил и подымал рабочих на борьбу, называли по имени — Сосо, любили его.

Собравшись около завода Ротшильда, двинулись к пересыльным казармам. По пути, из смежных улиц присоединялись новые толпы.

Рабочие проходили мимо нашей калитки, меня окликнул знакомый. Я зашагала с товарищами в ногу. Мне было тогда 20 лет.

Демонстрация развернулась перед самой казармой. Навстречу двигался отряд капитана Антадзе, и здесь разыгралась известная всем трагедия.

Некоторые рабочие думали, что если и будут стрелять по ним, то холостыми зарядами, но после первых же залпов несколько десятков человек свалились, как подкошенные.

Рисунок первомайской листовки, выпущенной Кавказским Союзом РСДРП.

Я осталась с женщинами — помочь раненым. Вскоре подобрали всех убитых и раненых, моя белая кофта стала красной.

Через год царское самодержавие судило рабочих, арестованных на демонстрации 9 марта 1902 года. Суд длился несколько дней. Приговор вынесли поздно ночью.

В ту памятную ночь в окно моей комнаты кто-то забросил записку. Ее строки призывали выйти на демонстрацию в годовщину расстрела рабочих.

Утром я побежала к пересыльным казармам. Никого. Говорят, собрались на вокзале. И действительно, здесь масса народа,— провожают защитников, выступавших на процессе. Разбрасывают прокламации. Полиция не показывалась, и только через несколько дней начались аресты. Среди арестованных очутилась и я, видимо, по доносу. При обыске нашли револьвер, припрятанный по просьбе товарища.

Утром в тюремную канцелярию привели Сильвестра Ломджария и потом, по знаку следователя, еще нескольких товарищей. Следователь, обращаясь ко мне, спрашивает:

— Кого из них вы знаете?

Я ответила не сразу. Сказать — не знаю никого, получится неправдоподобно. Решаю назвать Ломджария.

Начали допытываться: откуда?

— По работе на заводе, мы оба гурийцы, он иногда помогал мне — подыскивал работу.

Не удовлетворил этот ответ, но ничего больше от меня не добились.

Сижу в камере. Подходит однажды к дверям незнакомый арестант, говорит, что мой сосед по камере просит меня взглянуть наверх, в окно. Не поверила я, думала—провокация. Через некоторое время товарищ Сталин сам заглянул в наше окно и сказал:

— Не бойтесь тюрьмы, будьте стойкими...

За заботливость, которую товарищ Сталин проявлял к товарищам, находившимся с ним в заключении, все политические заключенные очень любили его.

Даже находясь в тюрьме, товарищ Сталин, несмотря на применявшийся к нему жестокий режим, руководил революционной борьбой батумских рабочих. В тюрьме товарищу Сталину удается наладить связь с оставшимися на свободе членами социал-демократической организации и направлять их работу.

Каждый раз, когда с лязгом открывалась дверь камеры и меня выводили на прогулку, я слышала из соседней камеры слова привета.

Однажды, это было во второй половине апреля, пришел тюремный надзиратель, приказал собрать вещи. Нас переводили в кутаисскую тюрьму.

По дороге на станцию товарищ Сталин предложил спеть «Марсельезу».

На рассвете доставили нас в кутаисскую губернскую тюрьму. На вокзале мы были окружены усиленным конвоем. Когда вышли на платформу, Сталин сказал, чтобы меня пропустили вперед.

— Пусть видят все, что и женщины борются против этих собак!

Затем он потребовал от начальника конвоя, чтобы предоставили нам подводу для вещей. Он говорил с царскими сатрапами всегда твердо, настоятельно, высоко неся достоинство борца-революционера.

Когда перед нами открылись тюремные ворота, мы запели «Марсельезу»...

Проходили дни и месяцы. Наконец, освободили Ломджария, меня и еще троих.

Сталин оставался в тюрьме.

Однажды мы получаем известие, что его высылают в глухую губернию, через Батум. Мы встретили товарища Сталина, когда его снова перевели в батумскую тюрьму, а вскоре провожали в далекую Сибирь.

...В начале 1904 года, не помню дня, поздно ночью кто-то постучал в мою дверь. Я жила в Барцхане (так называется рабочий район Батума). Дважды переспросила, кто стучит, слышу ответ: «Я, Сосо».

Не верилось, так все было неожиданно. Говорю:

— Скажи пароль: да здравствует...

— Тысячу раз да здравствует,— послышался знакомый ответ.

Открываю дверь, передо мной стоит товарищ Сталин. Я спросила его, каким образом он вернулся в Батум. «Бежал»,— ответил товарищ Сталин.

Нужно было соблюдать строгую конспирацию.

За время отсутствия товарища Сталина меньшевики старались подчинить рабочих своему влиянию. Это особенно чувствовалось в те дни. Меньшевикам стало известно, что приехал Джугашвили. Жить в Барцхане товарищу Сталину стало опасно.

Однажды вечером он сказал:

— Я ухожу.

Рабочий, к которому он пошел, жил на горе, в

Тамарцихе. Но на другой день вечером товарищ Сталин вернулся.

— И там пронюхали,— сказал он с досадой.

Товарищ Сталин оставался в Батуме еще некоторое время, скрываясь в разных местах, потом решил ехать в Тифлис.

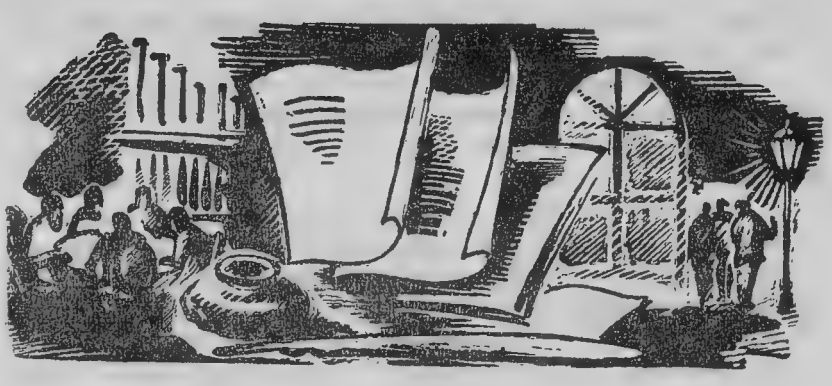
Вечером, перед от'ездом я сидела у окна, а товарищ Сосо шагал по комнате. Я высказала опасение,— а вдруг еще задержат? На это он мне ответил:

— Не бойся, товарищ. Кто все силы отдает рабочему классу, тот всегда выйдет победителем.

Он тепло попрощался со мной и вышел.

Товарища Сталина провез знакомый кондуктор. Через несколько дней, встретив его, я узнала, что Сталин доехал до Тифлиса благополучно.

В последний раз я встретила товарища Сталина опять в Батуме, когда он проводил дискуссии с меньшевиками, разоблачал врагов рабочего класса.



С. ЧОДРИШВИЛИ

В МАСТЕРСКОЙ МОЕГО БРАТА МИХО

Я был подростком, когда меня определили учеником в мастерскую Фридриха Зейца в Тифлисе.

Получал я по 20 копеек в день и еще один рубль в месяц на одежду.

Прошли долгие годы ученичества, стал я мастером. Работать приходилось и на других фабрично-заводских предприятиях — Гауфа, Рукса, Котрина. В этих мастерских немецких капиталистов рабочие подвергались невероятной эксплоатации.

В 1899 году я перешел на завод Яралова модельщиком. Мой брат Закро работал на железной дороге в Главных мастерских. По вопросам нелегальной социал-демократической работы он встречался с товарищем Сталиным. По поручению Закро я начал вовлекать знакомых мне передовых рабочих в нелегальные марксистские кружки. Я знакомил их с братом, а он в свою очередь знакомил их с товарищем Сталиным. Рабочие глубоко любили своего учителя-пропагандиста. Товарищ

Сталин открывал перед ними путь борьбы за дело рабочего класса.

Рабочий кружок был создан и на заводе Яралова. Потом началась забастовка, организованная под руководством товарища Сталина. Забастовка окончилась победой рабочих, но пятерых, в том числе и меня, уволили.

Перешел я тогда в железнодорожные мастерские на модельную работу. Здесь также царила жестокая эксплоатация труда. Заработная плата была мизерная. Мастера и бригадиры (приказчики) обращались с рабочими грубо. Из-за пустяка грозили побоями, особенно туго приходилось ученикам и подмастерьям, а нас, мастеровых, просто увольняли, и никто не был уверен в завтрашнем дне.

Все это послужило основанием для пред'явления администрации требований о сокращении рабочего дня, об увеличении зарплаты, улучшении обращения с рабочими. Администрация ответила отказом, еще более усилились преследования, и тогда началась забастовка. Эта организованная забастовка была проведена под руководством товарища Сталина с участием Михо Бочоридзе, передовых рабочих Закро Чодришвили, Вано Стуруа.

В борьбе нам очень помогли прокламации. Помню эти первые листки небольшого формата. Их разбрасывали по мастерским и раздавали рабочим в домах. Распространять листовки поручалось немногим, особо доверенным рабочим.

Печатный станок, который мне пришлось впервые увидать, был сделан из крепкой породы дерева, винт— тоже деревянный. Помнится еще толстое зеркальное стекло, на котором раскладывали шрифты. На стекле набор выравнивался.

В начале девятисотых годов такой станок я видел в мастерской брата Михо Чодришвили. Он был старше меня на несколько лет. Из пяти братьев Чодришвили один был слесарем, остальные — столярами.

Михо открыл свою столярную мастерскую на Михайловской улице, на углу теперешнего Плехановского проспекта и улицы Чодришвили.

Раньше в этом районе жили в основном немцы-колонисты. Вдоль улиц протекала вода в канавах, орошала сады. Постепенно улицы стали застраиваться.

В конце 90-х годов брат мой снял под мастерскую

Снимок с регистрационной карточки товарища Сталина, март 1908 г. (Из дела Бакинского губернского жандармского управления за 1910 г.).

подвальное помещение. Работали мы вместе, выделывали различную мебель.

Сама мастерская небольшая, но позади были еще комнаты. В той, что окнами выходит на тротуар, жил Михо.

В мастерской слева от входа стоял верстак брата, рядом мой верстак, а справа работал ученик. В хорошую погоду работали при дневном свете. Но часто зажигали лампы. Одна, большая, висела посередине.

С годами мастерская сыграла историческую роль. Над входом теперь прибита мраморная доска, на ней написано:

«ВЕЛИКИЙ СТАЛИН — вождь ВКП(б) и мирового пролетариата, здесь, в бывшей мастерской Миха Чодришвили, с 1904 по 1907 г. руководил собраниями и совещаниями Кавказского союзного комитета и Тбилисского бюро большевиков, принимая представителей районных большевистских организаций».

С товарищем Сталиным я впервые встретился у брата Закро Чодришвили в Надзаладеви. Мои братья помогали в устройстве нелегальных собраний, выполняли отдельные партийные поручения.

Комната Михо была обставлена скромно, стояли: стол, кушетка, шкапчик, еще небольшой круглый столик и табуретки.

Собрания проводили и в мастерской, и в комнате. Собирались по одиночке. Один зайдет прямо в мастерскую, другой пройдет через «парадный» ход. И сейчас все те же двенадцать каменных ступеней ведут в подвальный коридор, через который попадали к нам.

Из коридора был выход в сад. Сад тянулся почти до самой Куры. Место во всех отношениях было удобным для проведения нелегальных большевистских собраний.

Собирались, главным образом, вечером, с наступлением темноты. Приходило человек десять — пятнадцать. Собрания, иной раз, длились часа три. Снаружи в это время стояли в дозоре два наших ученика, посвященные в дело, и жена Михо — Мелания. Часто и я стоял в дозоре.

Одно такое собрание, как пишет в своих воспоминаниях мой брат Михо, закончилось в 3 часа ночи и

товарищи остались до утра в мастерской, улеглись, кто на тахте, кто на полу, на табуретках. Разошлись в 5 часов утра, условившись снова собраться в 8 часов вечера, потому что остались еще неразрешенные вопросы.

В случае тревоги товарищи могли скрыться через сад. Собрания обычно проводились под видом вечеринки. На столе для отвода глаз всегда бывала закуска.

Я редко присутствовал на собраниях, больше занимался изготовлением столов, шкапчиков, чемоданов с потайными отделениями для конспиративных целей.

Многие из приходивших в мастерскую на собрания, приезжие и местные, не были мне знакомы.

В те исторические годы с партийной работой в мастерской Чодришвили тесно была связана Авлабарская подпольная большевистская типография.

Строить ее мы начали во второй половине 1903 года по заданию товарища Сталина, которое нам передал Михо Бочоридзе.

Начали подыскивать место. Выбор пал на участок земли Давида Ростомашвили, которого Бочоридзе знал до того по работе.

Все хлопоты по переговорам с городской управой взял на себя Ростомашвили, как юридическое лицо. Разрешение на постройку дома из двух комнат с подвалом было получено легко. Кавказский союзный комитет снабдил Ростомашвили деньгами для строительства, и работа началась.

Место было пустынное — вокруг несколько домиков, поблизости больничный корпус и рельсовый путь. За полотном железной дороги — кладбище.

Перед тем, как приступить к земляным работам, мы оградили всю нашу территорию саженным досчатым забором. В очень короткий срок вырыли котлован. Самым сложным было решить задачу с колодцем. Вначале собирались рыть наклонный проход от главного колодца к подземелью, но боялись ошибиться в расчетах, и я отсоветовал. Взялись за второй, параллельный колодец, сообщающийся тоннелем. Эту работу мы никому не передоверили, работали сами — двое каменщиков, трое столяров — братьев Чодришвили и еще двое, которые потом остались работать в подполье в качестве наборщиков.

Прокламации Кавказского союзного комитета РСДРП, печатавшиеся в Авлабарской подпольной большевистской типографии.

Во втором, потайном колодце установили сделанную мною высокую лестницу.

Всю работу закончили в несколько месяцев. Ворота всегда были на запоре. Позже во дворе мы развели огород, поливали водой из колодца. Таким образом и колодцу нашлось оправданье.

В одной из комнат поселилась Бабе Бочоридзе. Она

готовила обед для наборщиков и вела наблюдение за местностью.

Когда типография начала работать, мы избегали бывать в ней, и то заходили только в комнаты. Редко бывал и Михо Бочоридзе. Рабочие-подпольщики ходили к нему и в его квартире встречались со Сталиным, который в начале 1904 года, после побега из ссылки, вернулся в Тифлис и продолжал руководить большевистскими организациями всего Кавказа.

Тогда и начали проводиться собрания в мастерской моего брата.

В те годы мастерская служила еще временным пристанищем для товарищей, перешедших на нелегальное положение. Не раз оставался ночевать у Михо Чодришвили и товарищ Сталин.

Я продолжал выделывать специальную мебель: чемоданы, в которых перевозились листовки, и столы, шкапы для хранения оружия. В потайном отделении такого шкапа умещалось двенадцать ружей.

В мастерской Чодришвили товарищ Сталин обучал пропагандистов для партийной работы среди рабочих, солдат и крестьян. Иногда в мастерской распределялась литература. Однажды, по поручению товарища Сталина, я отвез партийную литературу в Телав. Ее распространяли вместе с книгами.

Уже в последние годы, перед арестом Михо Чодришвили и после его ареста мастерская подвергалась обыскам.

— После одного безрезультатного обыска,—рассказывал Михо,—пришли в 2 часа ночи гости—Сосо Джугашвили, Бочоридзе, Закро Чодришвили. Оказывается, они находились неподалеку возле гостиницы.

В ту ночь обыск повторился. Закро и товарищам удалось скрыться, а Михо с женой Меланией были арестованы. Михо заключили в Метехский тюремный замок. Через несколько месяцев его сослали.

С тех пор прошли десятилетия. Теперь, в наши дни, иногда я прохожу мимо бывшей мастерской моего брата, и в памяти оживают эпизоды прошлого, картины давно минувших дней.

И. ВАЦЕК

В ГОДЫ ПОДПОЛЬЯ

Сейчас, когда коммунисты и беспартийные активисты с огромным интересом изучают доклад тов. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», хочется поделиться воспоминаниями об отдельных эпизодах революционной борьбы, которую вел под руководством товарища Сталина бакинский пролетариат.

В Баку нам приходилось работать в очень сложной обстановке.

Мы боролись не только против самодержавия и капиталистов, но и с их прихвостнями — меньшевиками, эсерами, дашнаками, шендриковцами.

Везде и всюду всеми нами, революционными рабочими, руководил товарищ Сталин.

◆ ◆ ◆

В годы большевистского подполья в Баку огромную роль сыграла наша партийная печать, основоположниками которой являются Ленин и Сталин.

Я хочу поделиться воспоминаниями разных лет о том, как статьи и речи товарища Сталина сплачивали, направляли и закаляли бакинских пролетариев в борьбе с капиталом и самодержавием.

Я тогда работал слесарем на одном из заводов Биби-Эйбатского нефтяного общества.

Однажды к нам на завод пришел товарищ Сталин. Он сказал мне: «Типографии грозит провал, нужно выручать»...

Типографии нашей грозила провокация, и надо было немедленно предотвратить провал,— перевезти станок и остальное оборудование в другую, надежную квартиру.

Типографию дважды спасает товарищ Сталин. Благодаря его зоркой революционной бдительности нам удается выявить нескольких провокаторов.

Товарищ Сталин во-время переводит типографию в новое помещение, еще до появления жандармов.

Прокламации в наш район доставлял из подпольной типографии товарищ Ханлар. Он единственный, кроме меня, знал о нахождении типографии.

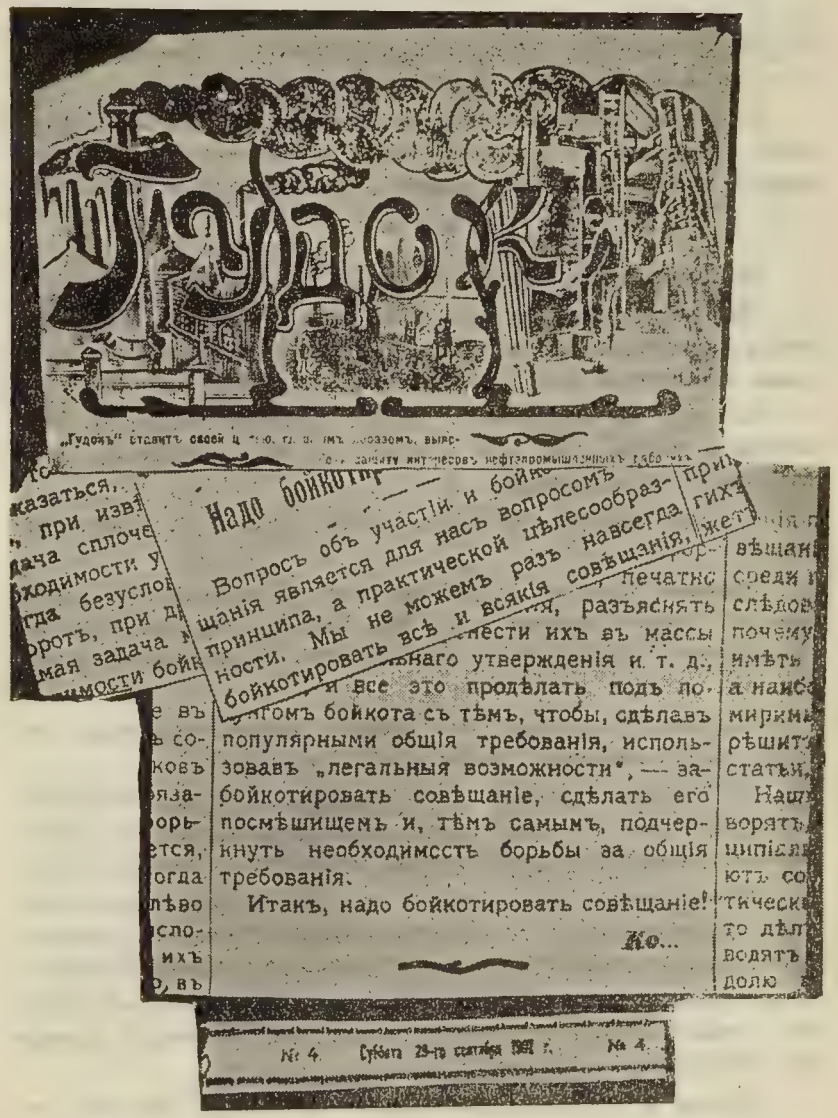
Рано утром, на рассвете, он брал ящик, сговаривался с рабочим-таскалем, всегда одним и тем же, и отправлялся в типографию. В ящик укладывали пачки прокламаций, а сверху — свежий, только-что вышеченный «чурек» (хлеб). Переброска такой «поклажи» не вызывала подозрений у полицейских, попадавшихся по пути.

Прокламации тов. Ханлар доставлял на наш завод. а мы уже, в свою очередь, распространяли их через рабочих представителей по остальным заводам района.

И вот рано утром мы начинали подбрасывать листовки в инструментальные ящики рабочих, не минуя и свои ящики, чтобы отвлечь подозрения администрации.

Иногда листовки расклеивались по стенам.

Многие из этих прокламаций написаны были товарищем Сталиным. Однажды мне пришлось наблюдать, как товарищ Сталин, после занятий с заводским кружком, здесь же набросал текст прокламации. Он бы-



Гудокъ

Надо бойкотир

Вопросъ объ участіи и бойк
щанія является для насъ вопросомъ
принципа, а практической цѣлесообраз-
ности. Мы не можемъ разъ навсегда
бойкотировать всѣ и всякія совѣщанія,
печатно
нести ихъ въ массы
ьнаго утвержденія и т. д.,
все это продѣлать подъ по-
гомъ бойкота съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ
популярными общія требованія, исполь-
зовавъ „легальныя возможности", — за-
бойкотировать совѣщаніе, сдѣлать его
посмѣшищемъ и, тѣмъ самымъ, подчер-
кнуть необходимсть борьбы за общія
требованія.

Итакъ, надо бойкотировать совѣщаніе!

Ко...

№ 4. Суббота 29-го сентября 1907 г. № 4.

Снимок с № 4 бакинской газеты «Гудок» от 29 сентября 1907 года, в которой за подписью «Ко...» помещена статья товарища Сталина «Надо бойкотировать совещание»

стро откликался на все вопросы рабочего движения и придавал огромное значение печатной пропаганде революционного марксизма.

С рабочим кружком на нашем заводе товарищ Сталин провел три или четыре занятия. Собирались мы вечером в помещении заводской столовой.

Рабочие любили и уважали своего учителя. Занимался товарищ Сталин с нами на понятном рабочем языке, и все, что он говорил, было дорого рабочему.

◆ ◆ ◆

Вспоминается такой эпизод.

Мы хоронили убитого товарища Ханлара. На похоронах присутствовал и товарищ Сталин, который использовал похороны для крупной демонстрации рабочих.

Сперва на похоронах играл духовой оркестр «Вы жертвою пали». Но как только мы вынесли гроб, меня подозвал полицмейстер:

— Ты распорядитель похорон? Чтоб не было музыки!

Однако, еще не успел оркестр уйти, как впереди и позади гроба появились два хора, организованные товарищем Сталиным, и начали петь похоронный марш. Так мы дошли до Баилова.

Товарищ Сталин, все время поддерживавший со мной связь, подозвал меня к себе и сказал:

— Разошли ребят по заводам, пусть, начиная с электрической станции, заводы по пути шествия похоронной процессии дают гудки, пока будет виден гроб.

И вот надо было видеть, в каком положении оказались полицмейстер и пристав. Когда загудели десятки заводских гудков, пристав подбежал к полицмейстеру:

— Ваше высокоблагородие, что мы наделали? Пусть бы лучше играла музыка, меньше бы высыпало народу на похороны.

Когда я об этом рассказал товарищу Сталину, он долго смеялся.

Действительно, жандармам было чего пугаться. Похоронная процессия вылилась в мощную политическую демонстрацию рабочих.

◆ ◆ ◆

Помнится такой случай. В Баку приехал видный меньшевик Зурабов, который должен был выступить на заводе Шибаева. Ко мне на производство (Биби-Эйбатское нефтяное общество) пришел товарищ Сталин и спрашивает:

— Пойдешь на собрание?

Мы пошли.

Товарищ Сталин говорит:

— Когда Зурабов будет делать доклад, ты выступи. Если тебе придется туго,— мы поддержим.

Я так и сделал. После Зурабова выступил я, а затем еще один большевик. Рабочие поняли, в чем дело, и стали кричать: «Не надо больше прений, будем голосовать!»

Собранию были предложены две резолюции: большевистская и меньшевистская. Из 500 голосов меньшевики тогда получили один голос. И тот принадлежал меньшевистскому лидеру на заводе — Глазырину. Рабочие завода Шибаева пошли за большевиками.

Исключительную заботу проявлял товарищ Сталин о наших товарищах, о кадрах революционеров-подпольщиках. Однажды список 33 большевиков попал в руки жандармов. Надо было спасти этих товарищей от рук палачей.

Товарищ Сталин принял все меры к тому, чтобы вырвать этот список из рук жандармского управления. И когда список удалось изъять, товарищ Сталин оповестил товарищей, которые скрывались вне Баку, что опасность миновала. Они вернулись в Баку.

Благодаря революционному чутью и бдительности товарища Сталина нам удалось выявить нескольких провокаторов и дважды спасти от неизбежного провала типографию. Мы успевали переводить ее в другое помещение еще до появления жандармов.

◆ ◆ ◆

...Сталин в тюрьме.

Однажды товарищи дали нам знать из тюрьмы, что такого-то числа отправляется этапом в ссылку группа товарищей, в числе которых будет и Сталин.

Это было осенью.

Мы знали, что у Сталина нет зимней одежды, обуви. Он был в сатиновой рубашке и чустах.

Мы купили полушубок, сапоги и еще кое-какие вещи, которые он взял после долгих уговоров.

Я вышел провожать товарища Сталина.

Хотелось проститься с любимым руководителем и посмотреть, одел ли он нашу одежду.

Под Баиловым шел этап.

Сталин скован ручными кандалами с одним товарищем.

Заметив меня, он улыбнулся.

...В ссылку отправлялся любимец бакинского пролетариата, организатор и руководитель большевиков Закавказья...

Г. ГАГЛОЕВ

ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ

Мне было пятнадцать лет, когда я приехал в Тифлис и в 1894 году начал работать в токарном цехе железнодорожных мастерских. Работал я учеником в бригаде Аллилуева. Через четыре года впервые в железнодорожных мастерских произошла крупная забастовка. Вслед за ней начались массовые увольнения рабочих. Я был тогда еще мальчиком и не мог хорошо разбираться в целях и задачах забастовки.

Недели через три меня снова приняли на работу. В нашем цехе работал строгальщик Левас. Он постепенно вовлекал меня в революционную работу.

Обычно члены нашего кружка собирались у меня в маленькой комнатушке, на окраине города в Дидубе.

Это было в 1899 году. Однажды Левас пришел на обычное собрание кружка не один.

С ним был просто и скромно одетый юноша.

На этот раз занятие кружка шло живо и интересно. То, о чем говорил этот юноша, чему учил он нас, надолго врезалось в память.

Просто, увлекательно, с необычайным огоньком рассказывал нам наш новый руководитель о задачах рабочего класса в борьбе с самодержавием, о прибавочной стоимости, о том, как на каждом шагу капиталисты грабят и обманывают рабочих.

К сожалению, вскоре занятия нашего кружка были прерваны.

Часть из нас, в том числе и я, была снова уволена из мастерских.

Вано Стуруа и я переехали в Баку. Здесь я работал на механических заводах в Балаханах и в Черном городе.

За это время я многое узнал, многому научился.

Здесь я продолжал свою революционную работу.

На Балаханскую улицу, где жил я, часто приходил Ладо Кецховели.

Он проводил с нами беседы, от него мы получали отдельные поручения.

Как сейчас помню работу по распространению прокламаций на заводах. Мне было поручено тщательно простругать доску, которая, как потом выяснилось, нужна была для подпольной типографии, которой руководил Ладо Кецховели.

Здесь в Баку я узнал, что руководителем нашего кружка, собиравшегося у меня в комнатушке, был товарищ Сталин. Он раз'яснял нам основы политической грамоты, он учил нас борьбе с самодержавием. Он воспитывал в нас великое чувство беззаветной преданности делу рабочего класса.

В Баку я несколько раз встречался с товарищем Сталиным. Это были короткие встречи.

В последний раз я встретился с товарищем Сталиным в своем цехе в 1926 году.

Тогда товарищ Сталин, выступая на собрании железнодорожников Тифлиса, говорил:

— Я, действительно, был и остаюсь одним из учеников передовых рабочих железнодорожных мастерских Тифлиса.

Росс. Соц.-Дем. Рабочая Партія. № 22

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Извѣщеніе о „Штабѣ Самообороны при Бакинскомъ Комитетѣ"

ТОВАРИЩИ!

Ни для кого изъ васъ не тайно, что темныя силы подлой контрреволюціи подняли голову. Онѣ угрожаютъ борцамъ за рабочее дѣло позорной смертью изъ-за угла. Убійство т. Тучкина, убійство тов. Лысенина, убійство товарищей въ желѣзнодорожномъ районѣ, продолжающаяся охота за нашими товарищами въ Б.-Эйбатѣ, въ Черномъ городѣ, Балаханахъ—все это говоритъ о томъ, что жалкіе наемники жалкихъ контрреволюціонеровъ не шутятъ...

Что дѣлать, какъ защитить нашихъ товарищей отъ явныхъ и скрытыхъ черносотенцевъ?

Одна часть нашихъ товарищей, т-щи меньшевики, отвѣтили на это крайне странно. Они рѣшили распустить „штабъ", разоружить товарищей и передать оружіе особой комиссіи на храненіе. Рабочіе поняли это такъ, что имъ прямо-таки запрещаютъ защищаться отъ хулигановъ, предлагаютъ, стало-быть, „подставлять грудь" и т. д. Наемные же хулиганы еще больше подняли голову...

Само собою понятно, что рабочіе не могли удовлетвориться такимъ образомъ. Не разоружать надо было товарищей,—а вооружать противъ темныхъ убійцъ! Не распускать надо было „штабъ",—а организовать самооборону!

Вотъ почему громадное большинство членовъ Бакинской Организаціи, осудивъ поведеніе меньшевитскаго „Рабоч. Коллектива", распустившаго „штабъ",—рѣшило немедленно организовать самооборону.

Исполняя волю большинства организованныхъ товарищей, Бакинскій Комитетъ взялся за-это дѣло, тѣмъ болѣе, что лондонская резолюція нашей Партіи не только не отрицаетъ самооборону, а наоборотъ, допускаетъ и предлагаетъ ее.

Товарищи! „Штабъ Самообороны при Бакинскомъ Комитетѣ Р. С.-Д. Р. П." уже организованъ. Онъ будетъ защищать нашихъ товарищей отъ явныхъ и скрытыхъ черносотенцевъ, выступающихъ иногда подъ маской шантажистовъ (вспомните случай съ т. Тучкинымъ). Онъ будетъ дѣйствовать подъ контролемъ Бак. Комитета. Предлагаемъ вамъ, товарищи, оказать ему необходимую моральную и матеріальную поддержку.

Бакинскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Типографія Бакинск. Комитета.

6 марта 1908 г.

Сталинская листовка — извещение о Штабе самообороны при Бакинском комитете РСДРП, отпечатанное 5 марта 1908 года.

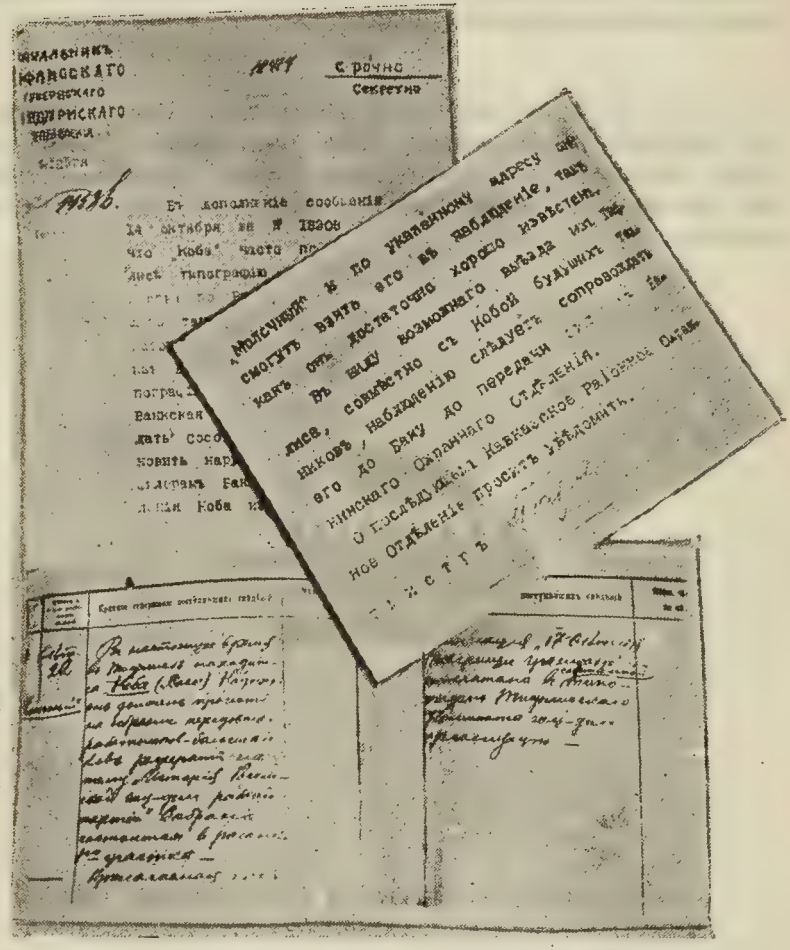
Товарищ Сталин тут же вспомнил о кружках, которыми он руководил.

— Я вспоминаю,— говорил товарищ Сталин,— 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было лет 28 тому назад. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие.

Тогда же товарищ Сталин поблагодарил за это тифлисских рабочих.

— Я вспоминаю далее,— говорил товарищ Сталин,— 1905—1907 гг., когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня, как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец и др., с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками — с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Здесь я стал подмастерьем от революции. Позвольте принести теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность моим бакинским учителям.

Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — т. Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции. Позвольте принести свою искреннюю, то-



1. Секретное уведомление Тифлисского губ. жандармск. управления об установлении наблюдения за И. В. Сталиным.
2. Сведения о выступлении И. В. Сталина на собрании передовых работников-большевиков с рефератом на тему «История Российской соц.-дем. рабочей партии». (1909 г.).

варищескую благодарность моим русским учителям и склонить голову перед памятью моего учителя Ленина.

От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку), к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) — вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества.

◆ ◆ ◆

Великой благодарностью наполнены сердца миллионов рабочих, колхозников, всех трудящихся нашей великой страны к тому, кто привел нас к новой счастливой жизни, кто ведет нас к вершинам счастья человечества.

III. ВЕЛИКИЙ ПРОПАГАНДИСТ

В тяжелых условиях подполья, на заре революционного движения искры сталинского печатного слова поднимали массы на штурм капитализма; яркие, сжатые и вместе с тем простые и доступные сталинские строки растили жгучую ненависть к врагу, великую веру в победу дела рабочего класса.

Эти воспоминания являются иллюстрацией к замечательным страницам истории нашей партии, развернутым товарищем Лаврентием Берия в его докладе «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», составляющем ценнейший вклад в летопись большевизма.

Незабываемые образцы любовного, заботливого отношения к делу партийной печати передают эти рассказы: товарищ Сталин заботился о шрифтах, сидя в тюрьме, подготовлял и редактировал со всей тщательностью материалы для очередного номера газеты, он заботился о том, чтобы каждый оттиск прокламации был четким и чистым, он вникал в технику типографского дела, сплачивал вокруг газеты кадры рабочих читателей, изо дня в день крепил с ними связи...

На этих примерах надо воспитывать сегодня кадры газетных работников, учить рабочих и сельских корреспондентов на образцах работы Ленина и Сталина умению нести слово большевизма в массы, сплачивать эти массы в борьбе за выполнение задач, поставленных партией.

Забвение указаний Ленина и Сталина о партийности нашей печати, о ее связи с массами приводит в практике работы к отрыву от масс, к притуплению классовой

бдительности, к незнанию конкретной действительности и запросов масс.

Высокая революционная бдительность, живая организаторская работа, решительная борьба со всеми проявлениями политической небрежности, развернутая самокритика должны пропитывать все отрасли многосторонней работы каждой газеты.

Каждая статья, каждая заметка, каждая строчка в газете должна дышать непримиримой борьбой за дело партии Ленина—Сталина.

Из передовой статьи «Зари Востока» «За большевистскую подготовку ко Дню печати» — 18 апреля 1936 года.

Г. НИНУА

ПЕРВЫЕ УРОКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Наши политические знания были не велики, мы ограничивались чтением брошюр и сами нуждались в учебе. Кружки, организованные нами, являлись только первым шагом в развитии классового самосознания рабочих.

Сорганизовав рабочих, мы через несколько месяцев передавали кружок более опытным пропагандистам-интеллигентам.

Газета «Брдзола» отмечала в 1901 году, что «рядом с нашими рабочими стала наша передовая интеллигенция и взяла на себя просвещение и руководство ими».

Мы помним Сашу Цулукидзе, Ладо Кецховели, Виктора Курнатовского — пламенных пропагандистов революционного марксизма.

В начале 1898 года состоялась наша первая памятная встреча с молодым пропагандистом — товарищем

Сталиным. Это было на квартире Вано Стуруа, в доме № 194 по Елизаветинской улице. В двух небольших комнатах первого этажа жила группа железнодорожных рабочих. В этот вечер кроме В. Стуруа собрались Чодришвили, Бочоридзе, я и еще несколько рабочих.

В беседе незаметно проходило время. Так состоялось первое занятие первого сталинского кружка. Помнится, с первых же слов нас увлекла ясность и простота речи товарища Сталина.

Комнаты наши имели выход на улицу и во двор, откуда, в случае чего, легко можно было перебраться в сады, которых тогда в этом районе было больше, чем домов.

Занимался товарищ Сталин с нами более двух лет.

Тему, какая бы она ни была, товарищ Сталин всегда подразделял на вопросы. Он хорошо знал историю рабочего движения на Западе, учение революционной социал-демократии, и поэтому его беседы сразу захватывали внимание рабочих. Сталин пользовался научной и художественной литературой, его речь всегда была насыщена примерами. Когда он говорил, перед ним лежала записная книжка или просто листки мелко исписанной бумаги. К каждому своему выступлению он, видимо, тщательно готовился. Собирались мы по вечерам, с наступлением темноты, а по воскресным дням шли за город небольшими группами в пять—десять человек и занимались, не считаясь с временем.

Выступления товарища Сталина походили на беседу. Он, бывало, не перейдет к новому вопросу, пока не убедится, что мы поняли его, усвоили его слова. Отвечая на вопросы товарища Сосо, мы приводили факты из своей рабочей жизни, рассказывали, что делается на заводах, как эксплоатируют нас администрация, подрядчики, мастера. Товарищ Сталин особенно оживлялся, когда затрагивалась эта тема. Он задавал рабочим много вопросов, а потом делал выводы. Эти выводы имели решающее, руководящее значение для революционного движения.

Товарищ Сталин был нашим учителем; но он часто говорил, что сам учится у рабочих.

После первой забастовки, организованной в 1898 го-

Тбилиси. Дом № 194 по ул. Клары Цеткин (бывш. Елизаветинская), где товарищ Сталин провел в 1898 году первое занятие с нелегальным социал-демократическим кружком.

ду в главных железнодорожных мастерских, товарищ Сталин обсуждал с рабочими в кружках итоги и опыт проведенной борьбы, отдельные организационные недостатки. Это помогло нам притти к крупной августовской стачке 1900 года более подготовленными.

Когда стачка окончилась победой рабочих, товарищ Сталин снова обсуждал в кружках итоги новой ступени борьбы.

Эта характерная особенность пропагандистского метода товарища Сталина нашла выражение и в прокламации, написанной им об итогах августовской стачки. «Мы не раз побеждали на поле брани наших грабителей — напоминал товарищ Сталин.— Ну-ка, вспомните, какое об'явление было расклеено в наших мастерских в 1896 году? Что спасло или кто спас нас от этого унижения — от этого распоряжения, которое приравнивало нас к животным? — Борьба!..»

Лозунг об'единенной борьбы рабочих составлял самую существенную часть сталинской пропаганды в кружках, и рамки социал-демократических кружков становились все более тесными. Назрела необходимость широкой агитации в массах, организации открытой политической борьбы. За городом стали проводиться нелегальные рабочие массовки, в которых принимало участие до 50 человек. Некоторые пропагандисты боялись выступить на этих массовках, боялись арестов, предпочитали нелегальные собрания численностью в пять или десять человек. Но товарищ Сталин не соглашался с этим.

Жизненность сталинской тактики полностью подтвердилась на нелегальной маевке 1900 года, проведенной в районе Соленого озера. Собралось человек до пятисот с революционными лозунгами, с портретами Маркса и Энгельса.

Среди собравшихся было человек триста хорошо подготовленных, передовых рабочих.

— Мы сейчас настолько уже окрепли,— сказал товарищ Сталин,— что в будущем году сможем провести маевку не в горных ложбинах, а в самом городе, на главных улицах.

К 1901 году выдвинулись сотни подготовленных рабочих, которые были полны революционных устремлений.

Перед самой демонстрацией распространялась сталинская прокламация. Она об'ясняла нам значение праздника пролетарской солидарности.

Рабочие готовили знамя.

Товарищ Сталин предложил нарисовать на знамени портреты Маркса и Энгельса, написал лозунг для знамени, с которым тифлисские рабочие дали открытый бой царскому строю.

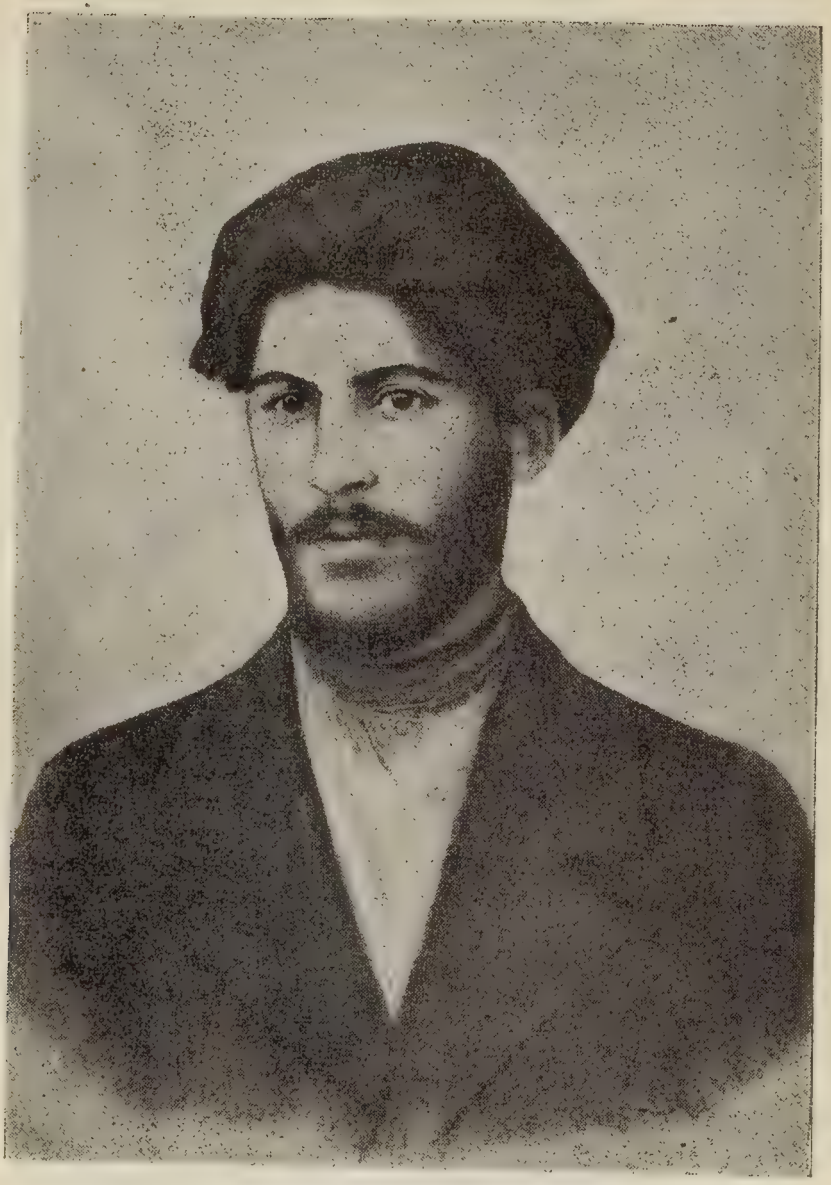
П. ХУРЦИЛАВА

НАШИМ КРУЖКОМ РУКОВОДИЛ ТОВАРИЩ СТАЛИН

В 1899 году пятнадцатилетним мальчиком я приехал в Тифлис и начал работать в железнодорожных мастерских. Жил я у своего дяди. У него часто бывали Вано Стуруа, З. Чодришвили. Там же, в этом памятном доме, на Горийской улице я впервые увидел товарища Сталина.

И в 1899, и в 1900 году я был на маевках, но плохо помню их, так как был тогда еще молод и не мог хорошо разбираться в виденном. После маевки в 1900 году я стал заниматься в кружке молодых рабочих, которым руководил товарищ Сталин.

Как сейчас, я помню занятия этого кружка. Был там молотобоец Майсурадзе, Копалейшвили — токарь мастерских, впоследствии убитый во время демонстрации в Батуме, Джикия, убитый в 1905 году, Томарадзе, пошедший потом на каторгу. Всех нас воспитал и вырастил в своем кружке товарищ Сталин.



И. В. СТАЛИН.

(Фото 1903 года).

Кружок наш собирался для занятий каждый раз в новом месте.

На моей обязанности лежало оповещать товарища Сталина об адресе.

Я приходил к нему на Потийскую улицу, где он жил в квартире рабочего, в скромной, бедно обставленной комнате. Был он очень аккуратен, если куда-нибудь уезжал, то всегда предупреждал, когда вернется.

Занятия кружка проходили очень живо и интересно.

До первой беседы мы имели лишь самое элементарное понятие о разделении общества на классы эксплоатируемых и эксплоататоров. Мы еще не умели обобщать многих явлений нашей тяжелой жизни.

Беседы в кружке быстро развивали классовое самосознание рабочих. На первом занятии товарищ Сталин подробно расспрашивал, интересовался жизнью и работой каждого из нас, кто в каком цехе работает, сколько зарабатывает.

Первые беседы в кружке касались причин нашей бедности, нашего бесправия.

Товарищ Сталин подробно рассказывал нам, как наживают капиталисты свои несметные богатства, как борются за свои права рабочие на Западе. Мы задавали много вопросов, и Сталин потом проверял, все ли мы поняли, не осталось ли чего неясного.

Беседы и рефераты охватывали самые злободневные вопросы и приводили к четким, ясным сталинским выводам о путях борьбы рабочего класса, о том, как изменить жизнь.

В кружках занимались передовые рабочие. Кружки выдвигали кадры профессиональных революционеров. Собираться нелегально становилось все труднее, кружков было немного, а потребность всей рабочей массы в разрешении острых жизненных вопросов была очень велика.

Все чаще возникал вопрос о необходимости заговорить с широкими слоями рабочих через свою подпольную печать.

И вот появились гектографированные лиловые листовки.

Рабочие особенно глубоко осознали свои силы, ког-

да вышел первый номер печатной нелегальной газеты ленинско-искровского направления «Брдзола». Газета сразу об'яснила множество вопросов, волновавших каждого рабочего.

Сталинское пламенное пропагандистское слово знакомило нас с идеями революционной социал-демократии, оно никогда не расходилось с практикой. Сталин обычно переводил беседу на злободневные вопросы нашей жизни, черпал из нее самые характерные примеры и намечал конкретно, что каждому рабочему делать, как становиться вожаком.

В простой понятной форме товарищ Сталин рассказывал нам о задачах рабочих в борьбе с самодержавием, обучал основам политической грамоты. Участники нашего кружка, вдохновленные своим руководителем, с нетерпением ждали случая, чтобы реализовать на деле все, к чему готовила их партия и их учитель.

Случай этот скоро представился. В железнодорожных мастерских началась забастовка. Мы, конечно приняли в ней участие. И как мы обрадовались, когда товарищ Сталин поручил нам борьбу со штрейкбрехерами.

Он распределил между нами посты на всех улицах, ведущих к заводу. Здесь мы должны были принимать все меры к тому, чтобы не допускать штрейкбрехеров в мастерские.

Товарищ Сталин прекрасно знал рабочие районы, знал, где кого расставить, чтобы успешнее вести борьбу. Сталин поручал это самым подготовленным товарищам, и каждый старался оправдать доверие своего учителя, с честью выполнить его указания.

Почти весь год занимались мы в кружке товарища Сталина. За это время мы многому научились и получили закалку на всю жизнь. Образ товарища Сталина запечатлелся в каждом из нас. Как сейчас, вижу его перед собой — худощавого, скромного в быту, непримиримого к врагам революции, прямого, четкого в каждом своем слове, в каждом своем ответе.

В 1902 году товарищ Сталин, находившийся в то время в Батуме, начал подготовлять организацию демонстрации в деревне. Незадолго перед этим в Батуме была памятная всем демонстрация. Она встретила отклик среди батрачества и трудового крестьянства.

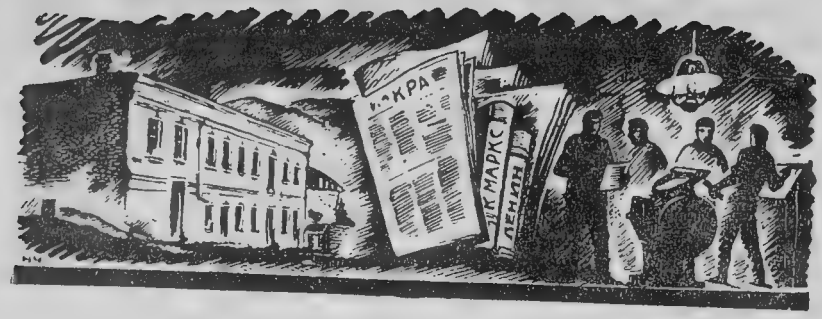
Для подготовки демонстрации из Тифлиса было вызвано несколько человек, в том числе и я. Для демонстрации лучше всего подходило большое село Кулаши около Батума. Туда на храмовой праздник должно было собраться много народа из соседних сел. Как раз в это время и должна была начаться демонстрация.

Нас было около 25 человек. Пообедав, мы вышли на площадь, густо усеянную народом. Нас поразило большое количество полиции и стражников. Приехало все полицейское начальство из Кутаиса. Все же мы решили начать, собрались в круг, подняли красное знамя и понесли его. Вокруг нас быстро собралась толпа, на которую накинулись полицейские и стражники. Многие были жестоко избиты. Но мы гордились тем, что впервые подняли в грузинской деревне красное знамя.

Встретив меня после этого в Батуме, товарищ Сталин указал на ряд допущенных нами ошибок, без которых демонстрация была бы еще больше и значительнее. Но и так она произвела большое впечатление. А ведь до приезда товарища Сталина в Батум меньшевики проповедывали, что не только в окрестных селах, но и в самом Батуме никакое революционное движение невозможно.

После этого мне несколько раз пришлось встречаться с товарищем Сталиным. Рабочие очень любили его, и если было известно, что где-нибудь предполагается его выступление, то туда собиралось много народа. Помню успех его выступления в 1905 году в Чиатуре, где он разоблачал меньшевиков.

Тот, кто хоть раз встречался с товарищем Сталиным, никогда не забудет его скромности, мудрости, умения быстро разобраться в событиях и дать правильные, ясные указания, не забудет его прозорливости, умения воспитать на всю жизнь в человеке беззаветную преданность делу рабочего класса, непримиримость ко всем врагам революции.



А. ЛИТАНОВ

Я ВЫУЧИЛСЯ ЧИТАТЬ ПО БОЛЬШЕВИСТСКИМ ЛИСТОВКАМ

Мне, бывало, поручали разносить по заводам и фабрикам отпечатанные в большевистском подполье сталинские листовки и прокламации.

На каждой пачке этих тоненьких, драгоценных листков было надписано: заводу Толле, фабрике Мирзоева, заводу Адельханова и еще многим другим.

Чтобы прочесть эти надписи-адреса, я начал по ним же учиться азбуке, запоминал по несколько букв. Постепенно и сами прокламации стали для меня учебником грамоты, общей и политической.

В детстве я пробыл в школе всего три дня. Меня избил священник за «кощунство», за это же меня выкинули из школы.

Девяти лет я поступил на табачную фабрику Бозарджянца. Когда заходил акцизный чиновник, мастер

загонял меня под стол — очень уж бросалось в глаза мое малолетство.

Став мастером, я все еще оставался неграмотным, не умел читать. О многом узнавал из разговоров с подручным моим Сандро. Когда фабрикант уволил его, рабочие стали выражать свое негодование. Вскоре и меня постигла та же участь.

Долгое время после увольнения не принимали нас на работу, говорили: «Вот умрет кто-нибудь, тогда и поступишь на его место».

Положение рабочих все более ухудшалось, началась забастовка. Рабочие табачной фабрики собрались на окраине города, на кладбище. С речью на нелегальном собрании выступил товарищ Сосо (Сталин). Он рассказал, как боролись рабочие на Западе, как борются российские рабочие и что нужно делать нам.

Потом, когда товарищ Сталин организовал социал-демократический кружок из передовых рабочих табачной фабрики,— стали собираться на самом краю города, у подножья горы, в моем домике по Цавкисской улице.

Рабочие собирались после захода солнца.

Соблюдали предосторожности, проходили в сумерках, незаметно. В комнате было тесно. Одни сидели, другим приходилось стоять,— где было достать столько табуреток? Наш нелегальный социал-демократический кружок собирался иногда на Мтацминда или возле Коджорского шоссе.

Товарищ Сталин, руководя кружком передовых рабочих фабрики Бозарджянца, рассказывал о том, как рабочие железнодорожных мастерских, сплотившись, организованно повели борьбу за свои права, борьбу против эксплоататоров.

Глубокие, воодушевляющие речи товарища Сталина знакомили нас с идеями революционной социал-демократии, с задачами забастовочного движения и политической борьбы.

Нарастало возмущение рабочих тяжелыми условиями труда. Когда на фабрике появилась гильзовая машина, нас начали по одному увольнять. Положение рабочих становилось невыносимо тяжелым. Началась заба-

стовка. Ею руководил товарищ Сталин, составляя требования, которые мы пред'являли затем фабриканту.

В борьбе нам очень помогали подпольные сталинские листовки.

Это было в конце прошлого века.

Через несколько лет, помнится, имел место такой случай.

На пасху мы тайком разбросали в церкви пачку большевистских листовок. Переполох был огромный. Вскоре, по доносу дворника, меня задержали, произвели обыск в комнате, но ничего не нашли. Околоточные надзиратели поздравили друг друга с «христовым воскресением», а меня крепко избили.

В доме № 8 по Церковной улице, напротив церкви, в которой были разбросаны листовки, лет через пять, в 1909 году, была создана под руководством товарища Сталина подпольная типография и организовано издание большевистской газеты «Тифлисский пролетарий».

...Прошли годы, десятилетия. Сейчас я работаю на первой табачной фабрике. И в прошлом здесь была фабрика, где товарищ Сталин руководил социал-демократическим кружком.

Я в цехе самый пожилой, мне 73 года. Вокруг меня счастливая молодежь. Я тоже чувствую себя счастливым и бодрым.

И. ДАРАХВЕЛИДЗЕ
и Д. ВАДАЧКОРИЯ.

БАТУМСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Старый рабочий Илларион Михайлович Дарахвелидзе рассказывает:

«До приезда товарища Сталина в Батум я работал в 1899—1900 гг. на заводе Манташева, считался передовым рабочим, аккуратно посещал воскресную школу. В этой воскресной школе нас обучали грамоте и мироздaнию: какова по форме земля, как она движется вокруг своей оси и солнца, как далеко отстоят от земли луна и солнце, что такое планета и т. д.

В конце ноября я как-то встретился с одним рабочим. Он сообщил мне, что из Тифлиса приехал пропагандист и хочет провести несколько бесед с рабочими. Мы подобрали группу передовых рабочих и на другой день вечером собрались в доме тов. Доментия Вадачкория.

В назначенное время все мы, рабочие, были в сборе. Здесь мы впервые встретили товарища Сталина.

Товарищ Сосо (Сталин) был очень начитанным пропагандистом и с первых же слов завладел нашим вниманием.

Еще бы!

О таких интересных вещах он рассказывал, говорил так убедительно и ярко, что можно было его слушать без конца. То, о чем говорил товарищ Сосо, было для нас новостью, ранее никогда не слыханной нами.

Впервые от него мы узнали о классах общества, узнали, что, борясь со своими угнетателями, рабочие в первую голову должны бороться за свержение существующего строя.

Необходимо отметить, что товарищ Сосо был большим конспиратором. Мы каждый раз собирались на новой квартире.

Не было случая, чтобы товарищ Сосо пропустил занятия: с большой аккуратностью он появлялся ровно в назначенное время и без лишних слов приступал к делу, дорожа и своим и чужим временем.

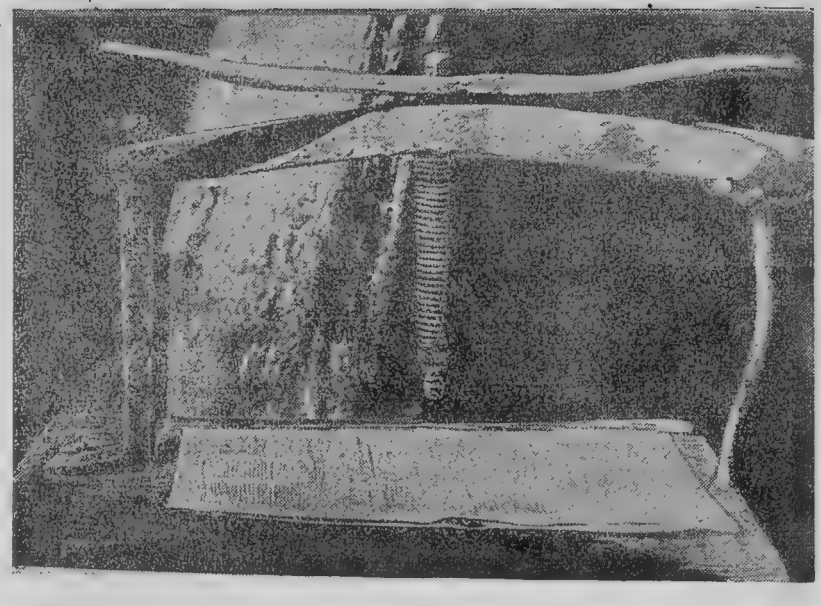
На первом же занятии он предложил нам собрать с рабочих по 20 копеек «для оказания помощи многосемейным рабочим в случае забастовок». Это его предложение понравилось всем нам. Затем сбор членских взносов вошел уже в систему: с каждой получки мы платили кассиру организации по 2 процента.

С января 1902 года вплоть до своего ареста товарищ Сталин жил в нашем доме. Я имел возможность присмотреться к товарищу Сталину, ближе узнать его.

Почти не проходило дня, чтобы к вечеру товарищ Сталин не торопился на кружок. Иногда в один день он успевал проводить занятия в двух кружках.

Наблюдая за его рабочим днем, я удивлялся его энергии. Мне кажется, он отдыхал только за чаем или обедом. Остальное время, вплоть до глубокой ночи, занимался: читал, много писал и в назначенное время уходил на кружки.

В январе 1902 года товарищ Сталин на несколько дней уехал в Тифлис. Оказывается, он ездил в Тифлис за частями типографского станка и шрифтами на трех языках: русском, грузинском и армянском. С помощью рабочих завода Ротшильда станок был собран и «про-



Печатный станок-пресс батумской подпольной типографии, на котором работал И. В. Сталин. (1902 г.).

изводство» пущено на полный ход. Сталин писал прокламации, некто Георгий (фамилии не помню) набирал, а все мы со Сталиным вместе печатали: поочередно крутили колесо пресса.

Под непосредственным руководством товарища Сталина была организована и блестяще проведена забастовка рабочих завода Манташева. Мы тогда поняли, что слова товарища Сталина не расходятся с делом и что он ничего общего не имеет с теми пропагандистами (будущими меньшевиками), которые до него учили нас одной лишь географии, астрономии. Мы поняли, что под руководством Сталина можно одержать победы значительнее и крупнее, чем победа над одним заводчиком.

И мы крепко полюбили нашего Сосо.

Однако, полиция и жандармерия зашевелились.

Во всех «беспорядках» батумских рабочих они почувствовали чью-то опытную руку. Стали искать виновника и «смутьяна» батумских рабочих, и вот 5 апреля

на моей квартире арестовали товарища Сталина и моего брата Дариспана.

Зная, что мы—его кружковцы—остались без руководителя, зная также и то, что нами попытаются завладеть бывшие наши учителя из воскресной школы, товарищ Сталин не порывал с нами связи и направлял нашу работу из тюрьмы.

Работа товарища Сталина в Батуме революционизировала всю массу батумских рабочих и подняла ее на борьбу с царизмом. Во всей своей тогдашней работе товарищ Сталин показал качество искусного пропагандиста, организатора пролетариата, воспитывавшего его в духе беззаветной преданности делу пролетарской революции».

◆ ◆ ◆

Батумский рабочий Доментий Алмасханович Вадачкория рассказывает:

«Мне было 14 лет, когда, гонимый нуждой, я приехал в Батум из Ланчхутского района в поисках заработка.

19 лет я поступил на нефтеразливочный завод Манташева. Тяжело было тогда работать на заводе. С 6 часов утра до 8—10 часов вечера продолжался наш рабочий день. Особенно донимали нас штрафы: чуть опоздаешь на работу — штраф, сделал не так — штраф, возразил мастеру — штраф. Словом, штрафовали нас и без всякого повода. От получки ничего не оставалось...

Некоторое разнообразие в нашу тяжелую жизнь вносила существовавшая тогда в Батуме воскресная школа. Посещая ее, мы, рабочие, могли здесь отвести душу, поговорить друг с другом о своих нуждах, не боясь быть оштрафованными. В школе же нас учили всему, кроме самого главного,— как улучшить свое положение, свою тяжелую жизнь.

Вспоминаю первую встречу со Сталиным. Это было в конце ноября (числа не помню) 1901 года.

Как-то на улице я встретил своего товарища. Он сказал мне, чтобы я отобрал несколько передовых рабочих и пригласил к себе домой на очень интересную беседу, которую будет проводить один студент, приехавший из Тифлиса.

На другой же день вечером моя маленькая комната была заполнена рабочими манташевского завода.

Сюда пришел молодой человек, впоследствии оказавшийся товарищем Сталиным.

Мне сейчас живо вспоминается, о каких увлекательных вещах он говорил!

Мы, слушавшие товарища Сосо, как бы прозрели.

Он подробно и убедительно раз'яснял нам, что рабочие производят все, но сами ничего не имеют, что интересы наши прямо противоположны интересам буржуазии, что никакого улучшения не будет до тех пор, пока мы, рабочие, об'единившись, не свергнем царя.

Ничего подобного ни от кого мы не слыхали!

Товарищ Сталин обязал каждого из нас подобрать других надежных рабочих в кружок. Кроме того, он требовал, чтобы мы со своей стороны вели на заводе такие же беседы с остальными рабочими, как он с нами.

Интерес к беседам был настолько велик, что мы всегда с нетерпением ждали дня занятий кружка.

Пропаганда революционных идей среди манташевских рабочих не прошла даром. Рабочие воспрянули духом, почувствовали себя сильнее, крепче и готовы были к революционному действию.

Под руководством Сталина мы организованно пред'явили администрации завода весьма скромные, вначале, требования: отказ от ночных работ, один день еженедельного отдыха, вежливое обращение с рабочими. В ответ на эти наши требования администрация завода прибегла к репрессиям: часть рабочих уволила, кое-кого арестовала и т. д. На это мы ответили забастовкой. Не добившись ничего репрессиями, через 10 дней администрация из'явила желание вступить с нами в переговоры.

Товарищ Сталин, все время руководивший нашей забастовкой, предложил нам дополнительно включить в требования следующие пункты: оплатить вынужденный прогул, вернуть рабочим всю штрафную сумму, взысканную с них, и провести прибавку зарплаты на 30 процентов.

Сталин подбадривал рабочих, уверяя, что администрация вынуждена будет пойти на уступки. Так и случилось. Мы выиграли забастовку, одержали полную победу над капиталистом!

Этот многозначительный случай—победа рабочих над капиталистом — не остался без последствий.

Весть о победе манташевских рабочих над хозяйчиком быстро облетела все предприятия Батума. Рабочие заводов Ротшильда, Сидеридиса и других стали волноваться, пред'являя заводчикам политические и экономические требования.

В другой раз, на квартире у меня, обсуждался вопрос об освобождении 32 арестованных рабочих завода Ротшильда. Еще днем губернатор обещал демонстрации рабочих, организованной товарищем Сталиным, освободить рабочих. Сталин, как всегда, не верил никаким обещаниям, исходившим от царских сатрапов, и потому предложил нам собраться вечером поговорить и наметить порядок действий на завтра.

Я и еще один товарищ говорили, что раз губернатор обещал, — сдержит свое слово и действительно освободит рабочих.

Совершенно иного мнения был Сталин.

Он предлагал на завтра организовать еще более внушительную демонстрацию, чем это было сегодня, и силой освободить арестованных рабочих.

Я возражал против демонстрации, против насильственного освобождения арестованных, полагаясь на «честное слово» губернатора. Тогда товарищ Сталин рассердился и сказал мне:

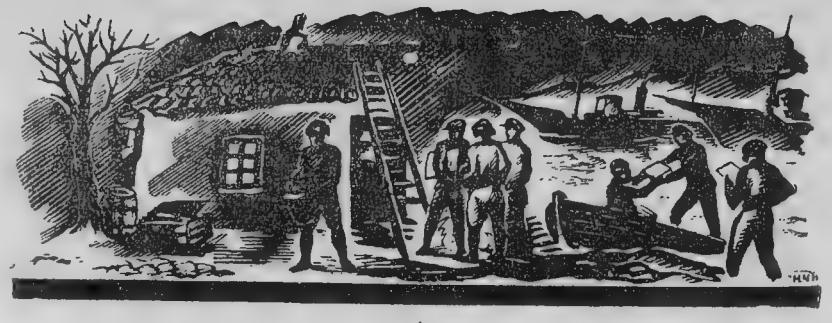
«Ты никогда не будешь революционером!»

Губернатор, вместо освобождения рабочих, встретил нас градом пуль.

Похороны жертв 9 марта товарищ Сталин использовал для еще большего разжигания ненависти рабочих масс к самодержавию. Это была грандиозная политическая демонстрация!

По поводу событий 9 марта товарищ Сталин написал прокламацию, которая сыграла большую роль в деле революционизирования также и крестьянства всей Западной Грузии.

Несколько десятков лет прошло с того времени, но мы, живые свидетели бурной революционной деятельности товарища Сталина в Батуме, всегда с великой любовью вспоминаем облик любимого учителя, вождя и заботливого нашего друга».



ОСМАН ГУРГЕНИДЗЕ

ВЕЛИКИЙ АГИТАТОР И ПРОПАГАНДИСТ БОЛЬШЕВИЗМА

С 1893 года я работал на заводе Ротшильда в Батуме.

Трудно передать, как тяжело приходилось рабочим. Работали по 15—16 часов в сутки, без отдыха, без просвета. За малейшее неповиновение начальству штрафовали, а нередко били.

Особенно плохо приходилось рабочим-аджарцам. К нечеловеческой эксплоатации прибавлялось гонение на национальной почве. Даже поступить на завод трудно было аджарцу, не дав предварительно взятку.

Все это вызывало возмущение рабочих. Но это возмущение и недовольство не выливалось в организованную борьбу, потому что до приезда товарища Сталина в Батум фактически никакой подлинно-революционной работы среди рабочих завода не велось.

Только в 1901 году рабочие завода почувствовали чью-то крепкую, организующую руку, которая умело направляла рабочих, об'единяла их выступления.

Это была рука товарища Сталина, с первого же дня после приезда в Батум проводившего огромную работу по организации революционной борьбы рабочего класса.

Товарищ Сталин в короткое время организовал целый ряд социал-демократических кружков, в которые вовлек передовых рабочих заводов Манташева и Сидеридиса. Входил в эти кружки и ряд рабочих нашего завода. При этом товарищ Сталин особо подчеркивал необходимость вовлечения в кружки рабочих различных национальностей, задачу интернационального воспитания трудящихся.

Однажды, в конце 1901 года, рабочий нашего завода Порфирий Куридзе сказал мне, что у него на квартире в Барцхане состоится собрание рабочих, на котором выступит известный революционер, приехавший из Тифлиса. Порфирий пригласил и меня притти на это собрание. А должен сказать, что до этого я никогда не слышал революционных речей.

В назначенный день я пришел к Куридзе в Барцхану — на окраине Батума. Я думал, что приду раньше всех. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что вся комната уже заполнена рабочими, которые, тесно сгруппировавшись вокруг молодого человека, внимательно слушали его слова. Это товарищ Сталин проводил собрание одного из своих кружков.

С первых же услышанных мною слов товарища Сталина я понял, почему так внимательно слушали его рабочие.

Он говорил о близких рабочему сердцу вещах, о причинах того, почему рабочие, работая сверх своих сил, получают за это гроши, которых еле хватает на то, чтобы не умереть от голода.

Товарищ Сталин был прекрасно связан с массами рабочих и детально знал жизнь рабочих. Оттого все, что он об'яснял, он тесно связывал с конкретными фактами из жизни рабочих, и оттого его речь была так понятна нам.

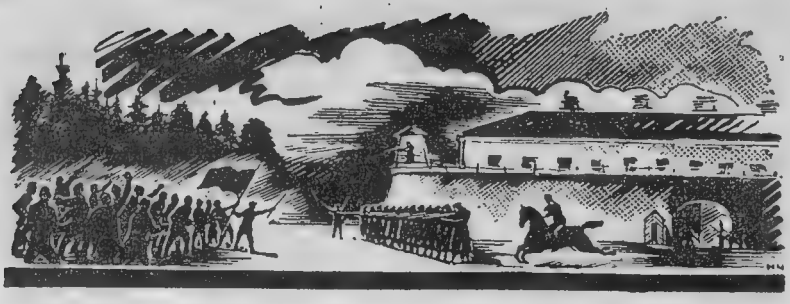
Он рассказывал нам о революционных выступлениях рабочих в других городах, говорил, что и мы, батумские рабочие, должны организоваться и выступить на борьбу с самодержавием, против капиталистов.

В конце собрания товарищ Сталин сказал, что каж-

дый из нас, присутствовавших на собрании, должен сам научиться организовывать работу среди рабочих. И в качестве первой проверки нашего умения работать для революционного дела он предложил тайно организовать сбор денег в фонд помощи рабочим на случай забастовки. Эти поручения я, как и многие другие, выполнил. Деньги нам крепко пригодились потом, когда под руководством товарища Сталина на заводе была организована крупная забастовка. Собранные деньги мы называли боевым фондом.

Но товарищ Сталин проводил огромную работу не только среди рабочих Батума. Как я узнал потом от одного из наших рабочих, товарищ Сталин провел в лесу подпольное собрание крестьян-аджарцев села Орта-Батум, проводил собрания крестьян и в других селах. И везде его слова зажигали массы на борьбу, звали к революционным выступлениям.

Много лет прошло с тех пор, когда я слушал вдохновенную речь товарища Сталина. Но никогда не изгладится в моей памяти величественный образ человека, который в суровом подполье еще 35 лет назад звал трудящихся на борьбу за то, что теперь навсегда завоевано под его водительством прочно и нерушимо народами Советской Страны.



О. ИНЖЕРАБЯН

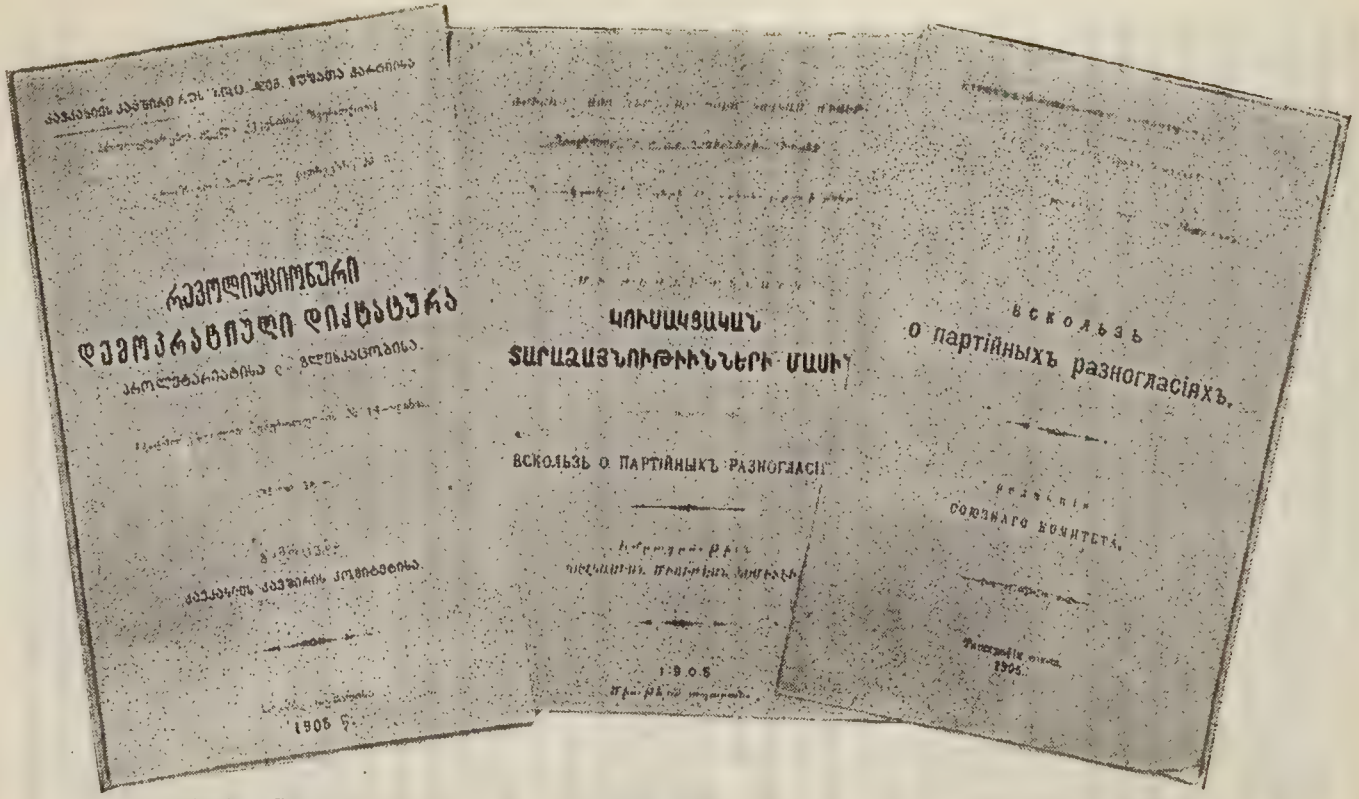
ОГНЕННЫЕ СТАЛИНСКИЕ СЛОВА

Весть о том, что в ночь на 8 марта на заводе Ротшильда полиция арестовала группу рабочих, быстро облетела предприятия Батума.

Я тогда работал на заводе Хачатурова. Помню, как взволновало наших рабочих это сообщение.

Нас не могли удивить никакие оскорбления, наносившиеся рабочим на заводе, никакие лишения. Но тут несколько десятков наших товарищей полиция арестовала для высылки по этапу только за то, что они осмелились потребовать некоторого улучшения условий работы и жизни.

Возмущению рабочих завода Хачатурова не было границ. Нужна была маленькая искра, чтобы зажечь пламя, чтобы заставить рабочих громко говорить о своей солидарности с товарищами.



Брошюра И. В. Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», отпечатанная в 1905 году на грузинском, армянском и русском языках в подпольной Авлабарской большевистской типографии.

И когда нам, каждому в отдельности, сообщили, что завтра, 9 марта, организуется демонстрация за освобождение арестованных, мы решили выйти на улицу вместе с рабочими других заводов Батума.

Мы тогда еще не знали, что демонстрацию организовал товарищ Сталин. Но по тому, как быстро передали нам сообщение о демонстрации, как она готовилась, — мы поняли, что руководит ею очень сильный, опытный организатор, который лучше всех знает, куда и как вести дело...

Демонстрации 9 марта 1902 года я никогда не забуду. Огромные массы рабочих запрудили улицу по направлению к пересыльным казармам, где находились арестованные рабочие. Впереди группы рабочих в демонстрации шел товарищ Сталин.

Демонстрация вплотную приблизилась к солдатам, державшим наготове винтовки, направленные на нас.

Их начальник, офицер Антадзе, потребовал, чтобы демонстрация разошлась, иначе он прикажет стрелять.

Первое мгновение некоторые рабочие, среди которых был и я, заколебались. Но вот мы услышали громкий голос, призывавший нас не расходиться, еще решительнее требовать освобождения арестованных.

С этим призывом обратился к демонстрантам товарищ Сталин.

Его огненные слова сцементировали демонстрацию, и никто не отошел.

Наоборот, многие рабочие стали бросать в офицера и солдат камни, решительно требуя освобождения арестованных.

Так я впервые увидел и услышал Сталина.

Демонстрация 9 марта научила рабочих Батума многому. Рабочих встретили штыками, в демонстрацию стреляли. Правда, многие солдаты стреляли вверх, не желая убивать своих братьев по классу. Но после второго залпа упал шедший рядом со мной товарищ мой по заводу, прессовщик Ермиле Копалейшвили. Царские сатрапы убили его тогда так же, как убили еще 13 и ранили несколько десятков рабочих.

Эта демонстрация, организованная и руководимая Сталиным, лишний раз убедила нас в том, что только ре-

шительная борьба с самодержавием с оружием в руках приведет трудящихся к победе.

Другой раз я увидел товарища Сталина уже в начале 1905 года, когда я работал на втором заводе Манташева. Произошло это так.

Во время короткого перерыва, который давался нам на обед, в столовой собралось много рабочих.

Зашел в столовую и я. В углу комнаты молодой человек громко спорил с одним меньшевиком. Вокруг споривших постепенно собрались все рабочие. Я сразу не узнал товарища Сталина (на демонстрации я был далеко от него и не сумел хорошо разглядеть), но голос показался мне знакомым. Я спросил у товарища, кто это.

— Это Сосо, руководитель рабочих, — ответил он мне.

Это был товарищ Сталин, в 1904 году бежавший из ссылки.

Товарища Сталина многие рабочие тогда уже хорошо знали. О нем говорили, как о подлинном руководителе и учителе рабочих, стойком защитнике их интересов.

Споря с меньшевиком, товарищ Сталин разоблачал его оппортунистические взгляды, говорил о методах борьбы рабочего класса, указывал, что рабочий класс — это вождь и руководитель революции, и его цель — насильственное свержение самодержавия и капиталистического строя.

Рабочие одобрительно кивали в ответ на слова товарища Сталина. К концу спора все рабочие, присутствовавшие в столовой, сгруппировались вокруг Сталина, слова которого были близки и понятны каждому.

Это посещение завода Манташева товарищем Сталиным оставило глубокий след во всей жизни наших рабочих. Через некоторое время, следуя совету Сталина, мы провели забастовку, которая закончилась победой рабочих.

На заре революционного движения в Закавказье товарищ Сталин указывал рабочим, что, только взяв власть в свои руки, они сумеют добиться свободной жизни, без эксплоатации, без нужды и лишений. И теперь, когда читаешь великую Сталинскую Конституцию СССР, проникаешься еще большей любовью и преданностью к

большевистской партии, великому Сталину, который в исторических боях ковал счастье трудящихся.

Мне уже 64 года, из которых больше 50 лет прошли в труде на батумских предприятиях. Я счастлив, что дожил до дней, когда осуществились лучшие наши мечты. Хочется жить и жить, чтобы участвовать в борьбе за новые победы дела Ленина—Сталина.

И. ДАРАХВЕЛИДЗЕ

ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Товарищ Сталин неоднократно говорил всем нам, работавшим в его батумском кружке, о необходимости организации подпольной типографии для печатания листовок и разных брошюр.

— Надо ознакомить широкие массы трудящихся с нашей работой, открыть им глаза, организовать рабочих на борьбу с царизмом, — всегда говорил он, когда речь заходила о типографии.

Усилиями товарища Сталина был собран типографский станок. Установлен он был в комнате, где жил Сталин. Бумага для печатания листовок у нас имелась. Ее всегда можно было достать в любом количестве — были бы деньги.

В то время на большинстве батумских предприятий энергично работали социал-демократические кружки, которыми руководил товарищ Сталин. Чаще стали устраиваться политические демонстрации. Одна из самых крупных демонстраций батумских рабочих — 9 марта 1902 года — была расстреляна царскими войсками, и несколько

сот рабочих, участвовавших в ней, были высланы из Батума.

Вечером 9 марта после демонстрации товарищ Сталин собрал нас и сказал:

— Необходимо во что бы то ни стало ознакомить широкие рабочие массы, всех трудящихся не только Батума, Тифлиса, Поти и Баку, но и всей России с событиями в Батуме. Пусть знают все рабочие, что царская власть является защитницей капиталистов и буржуев. Нужно срочно выпустить листовку, посвященную расстрелу батумских рабочих.

Долго не забуду той ночи... Тесная комнатка, тускло освещенная керосиновой лампой. За маленьким круглым столиком сидит Сталин и пишет. Сбоку от него — типографский станок, у которого возятся наборщики. Шрифт разложен в спичечных и папиросных коробках и на бумажках. Товарищ Сталин частями передает наборщикам написанное. Поминутно выходим во двор и чутко вслушиваемся в ночную тишину. Наконец Сталин кончил писать. Встал и прочитал нам написанное.

Текст прокламации произвел на всех нас большое впечатление. В простых и понятных словах она рассказывала о расстреле рабочих, «кормильцев мира», осмелившихся требовать улучшения своего тяжелого положения. Она раз'ясняла, что царь и весь государственный аппарат стоят на страже интересов капиталистов, что рабочим неоткуда ждать помощи, и только их об'единение и дружное выступление помогут им свергнуть царя и капиталистов. Она подробно описывала расстрел демонстрантов.

Уже рассвело, но работа продолжалась. К утру было отпечатано несколько сот листовок. Сталин предложил наборщикам не разбирать набора, а использовать его для повторного печатания, чтобы послать листовки и в деревню. И, действительно, после похорон жертв демонстрации типография дополнительно отпечатала не одну сотню листовок, которые нами распространялись среди крестьян.

Порядок распространения листовок был такой: представители предприятий — передовые рабочие, слушатели кружков товарища Сталина—приходили к нам, и Сталин сам раздавал им известное количество листовок как для

распространения среди рабочих, так и для пересылки в деревню.

Лично я взял тридцать листовок и распространил их среди крестьян сел. Шемокмеди, Гоми, Озургеты и т. д. Прокламации оказали большое революционизирующее влияние на крестьян. Они прочитывали их по нескольку раз. Чтение сталинских прокламаций вызывало обмен мнениями, угрозы и проклятия царю, помещикам и капиталистам.

◆ ◆ ◆

Как-то раз ко мне пришла жена рабочего ротшильдовского завода Модебадзе и предупредила о том, что за домом, в котором жил товарищ Сталин и помещалась типография, устроена слежка. Товарищ Сталин немедленно принял меры к тому, чтобы перебросить типографию в другое место, и подробно проинструктировал нас, как держать себя на допросах в случае, если нас арестуют.

В назначенное время к нашему дому под'ехал фаэтон. Товарищ Сталин сам вынес завернутые в мешок части разобранного типографского станка и отвез их к нашему товарищу Ломджария.

После этого Сталин появился у нас в доме только на третий день. О том, где он был и что делал эти дни, мы не знали. Бесполезно было его об этом спрашивать — он был большой конспиратор.

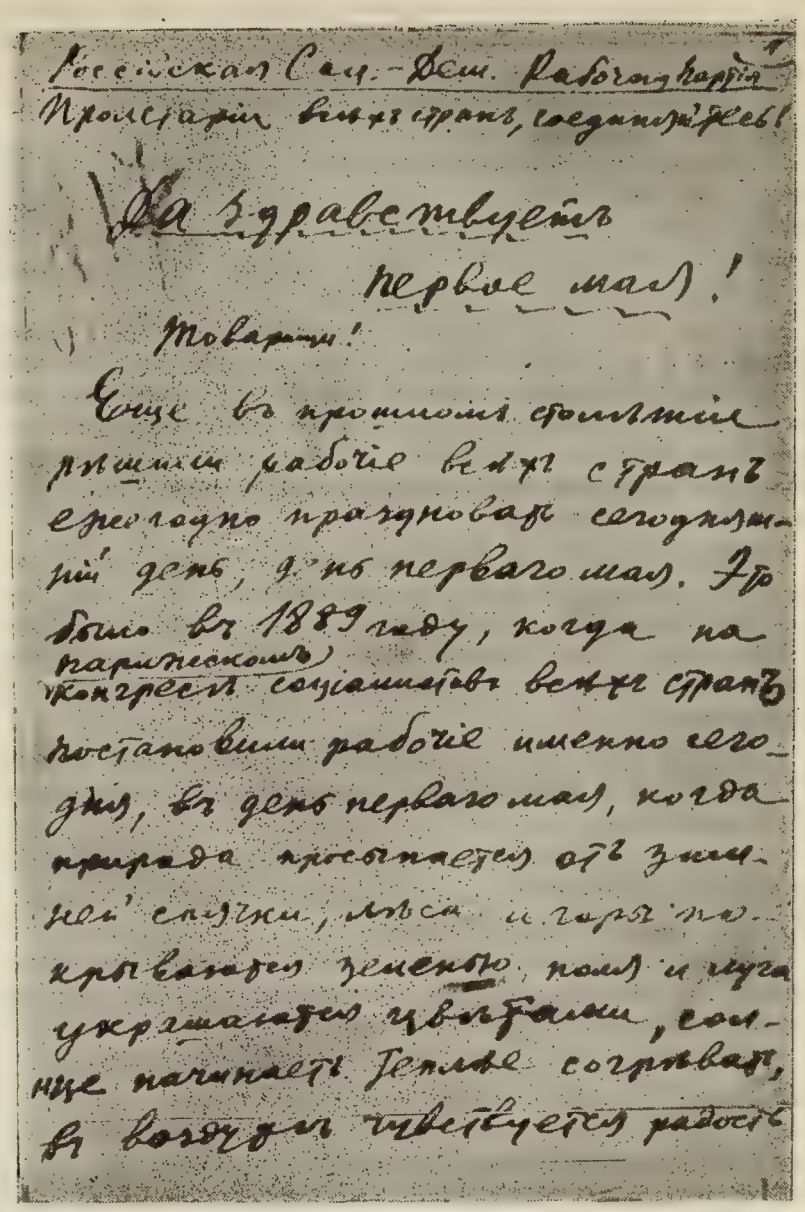
Г. ЛЕЛАШВИЛИ

У СТАНКА В БОЛЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Вступая в рабочий кружок, я уже знал тогда, что борьбой рабочих руководит товарищ Сталин, что вместе с Ладо Кецховели товарищ Сталин выдвигает первостепенную задачу создания нелегальной партийной печати.

Рабочий кружок мне не пришлось в дальнейшем посещать; Михо Бочоридзе сообщил о задании, которое дал ему товарищ Сталин, — найти подходящую комнату — организовать подпольную типографию. Это было в начале 1900 года. Меня познакомили с товарищами. Мы раздобыли шрифты и все самое необходимое для печатания. Комнату подыскали в доме по Лоткинской улице.

Надо было войти во двор, пройти по балкону на кухню, а оттуда через специальный люк попасть в подвальное помещение, где установлен станок.



Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует

первое мая!

Товарищи!

Еще в прошлом столетии рабочие всех стран ежегодно празднуют сегодняшний день, 1-ое первого мая. Это было в 1889 году, когда на парижском конгрессе социалистов всех стран постановили рабочие именно сего дня, в день первого мая, когда природа просыпается от зимней спячки, леса и горы покрываются зеленью, поля и луга украшаются цветами, солнце начинает теплее согревать, в воздухе чувствуется радость

Снимок с рукописи товарища Сталина. Первомайская листовка 1912 года.

В подвале тесно — площадь: три или четыре аршина. Свет падает сверху через решетчатое окошко, но мы работаем при лампе.

Шрифты — на грузинском и русском языках — разложены в порядке.

Станок представлял собою квадратную доску, на которую мы переносили готовый набор, а затем накладывали сверху влажный лист бумаги и прибивали его к шрифту щеткой. Так получались оттиски. За сутки успевали отпечатать 600—700 листовок.

Материалы для печатания я приносил от Михо Бочоридзе с Андреевской улицы и там иногда встречался с товарищем Сталиным, который каждый раз подробно расспрашивал о нашей работе, учил строжайшей конспирации и говорил, что надо печатать как можно больше, потому что нужда в печатной пропаганде революционного марксизма огромна.

Прокламации, как нам рассказывал Бочоридзе, писал товарищ Сталин. Корректуру выправлял в 1900 году Саша Цулукидзе. Мы приносили ему утром пробные оттиски и забирали их обратно часам к трем. Повседневную связь с товарищем Сталиным поддерживали через Михо Бочоридзе.

В 1902 году Михо Бочоридзе предложил мне перейти на работу в типографию Грузинского издательского товарищества.

В задачу входило выносить тайком шрифты и материалы наборного цеха и, таким образом, создать хорошую подпольную типографию.

Когда было накоплено достаточное количество материала, — стали подыскивать помещение, подходящее для устройства подпольной типографии.

В одном из домов по Лоткинской улице жили рабочие депо. Они имели небольшой участок земли и разрешили нам построить одноэтажный домик с подвалом.

Отстроили дом быстро.

В подвальное помещение мы проникали через потайной люк между плитой и стеной комнаты.

На этот раз типографское оборудование было более сложным: чугунная плита и барабан, который отлили еще в 1901 году в литейном цехе Главных железнодорожных

мастерских. К барабану оставалось приладить два рельса — их отковал Бочоридзе.

Станок вначале перевезли и установили в тоннеле под резервуаром городского водопровода у подножья Давыдовской горы. Но вскоре возникли опасения, что станок могут случайно обнаружить, к тому же было готово новое помещение на Лоткинской улице, и я перевез туда на тачке наше небольшое типографское оборудование.

В 1902 году я был арестован и через бакинскую пересыльную тюрьму сослан на три года в Архангельскую губернию.

Летом 1903 года потоком воды от сильных дождей и ливней снесло наш домик, под которым помещалась типография. Хозяин не восстановил постройки и собирался продать свой участок земли. Пришлось снова подыскивать помещение. Временно установили станок в Чугуретах. Станок помещался в жилой комнате, что было довольно-таки рискованно.

Михо Бочоридзе, которому Комитетом было поручено организовать новую большую типографию, обратился к бывшему рабочему железнодорожных мастерских Датико Ростомашвили с просьбой уступить участок земли, арендованной его отцом в районе Навтлуга. Получив согласие, принялись за дело. Решили строить капитальную типографию. Стройка началась в 1903 году и была закончена к началу 1904 года.

Я в это время, после побега из ссылки, находился в Баку и работал в типографии, оборудованной Ладо Кецховели. По заданию организации, я с товарищами перевез в Тбилиси скоропечатную машину, предварительно разобрав ее на части.

Помещение на Авлабаре было уже готово, оставалось только покрыть черепицей верх. Машина с большими предосторожностями была спущена в подвал, и мы тотчас же приступили к работе. Время было дорого.

В начале 1904 года после побега из ссылки товарищ Сталин вернулся в Тифлис и снова возглавил работу большевистского подполья в Грузии и Закавказье. Сталин жил у Михо Бочоридзе. Он уделял большое внимание подпольной типографии и руководил всей нелегальной партийной печатью.

Материал для печати мы получали через Михо Бочо-

ридзе. Среди рукописей были сталинские листовки: «К организованным рабочим города Тифлиса», «Воззвание к рабочим» и др.

Наряду с прокламациями печатались брошюры, среди которых помнятся: Ленина — «К деревенской бедноте», Сталина — «Вскользь о партийных разногласиях».

Книжка Сталина была первой в серии «Брошюры по партийным вопросам».

Товарищ Сталин несколько раз беседовал с нами, когда мы приходили к Бочоридзе за материалом.

Он задавал нам политические вопросы, желая ознакомиться с нашим кругозором, расспрашивал о работе, вникая во все мельчайшие детали.

Внимательно выслушав нас, товарищ Сталин давал указания, как правильно организовать процесс типографской работы, как уберечь типографию от полицейского сыска.

Литература, которую мы печатали, воспитывала нас политически, вооружая на борьбу с меньшевиками, пропагандируя учение Ленина и Сталина о пролетарской партии.

Литературу эту мы читали обычно вслух, собравшись у станка.

К работе мы приступали с 6 часов утра. В 9 часов подымались из подвала наверх завтракать, затем снова спускались и работали до четырех. После обеда работали до 10 часов вечера, когда же была спешная работа, — проводили у станка всю ночь напролет. Товарищ Сталин упрекал нас за это, говорил, что надо отдыхать.

Подвал был хорошо оборудован и не пропускал наружу шума машины. Стены были выложены кирпичом и камнем. Воздух проникал через отдушины, мы даже приспособили железную печку, чтобы сжигать в ней ненужные бумаги, обрезки. Горели три газовые лампы, четвертую и пятую зажигали во время печатания. Я работал машинистом-накладчиком, но научился и наборному делу. Приходилось работать также по перевозке литературы. Тачка наша была двухколесная, на рессорах. Печатную бумагу мы закупали по 10—15 пудов. Доставляли ее сперва в подвал старика Ростомашвили, торговавшего фруктами, а оттуда по частям перебрасывали в типографию. Из типографии мы выходили и возвращались или

Большевистские газеты 1900—1910 годов.

рано утром, когда все еще спали, или ночью. На тачке обычно ехали по глухим закоулкам. Бывало, завернешь за угол и оглянешься, если нет подозрительных лиц, — едешь дальше.

Тифлисская подпольная типография была образцом сталинской школы большевистского подполья, строгой конспирации.

В 1905 году, узнав о революционных событиях, мы поднялись наверх, вышли на улицу. В эти дни, захвачен-

ные общей волной, мы участвовали в митингах, шли туда, где, знали, будет выступать товарищ Сталин.

Митинги проходили в горячих дискуссиях. Товарищ Сталин решительно разоблачал оппортунистическую природу меньшевиков, разбивал все их «доводы», и когда, бывало, после выступления Сталина, ждали ответного выступления меньшевиков, оказывалось, — они уже удрали.

В эти дни особенно выросла роль большевистской печати, нужны были сталинские прокламации, партийная литература, и мы снова спустились в наше подземелье — продолжать работу.

Станок работал без передышки.

В 1906 году меня и других товарищей партийная организация направила на работу в Петербург. Там мы узнали о случайном провале Авлабарской большевистской типографии.

Г. ПАРКАДЗЕ

ВЕЛИКИЙ ПРОПАГАНДИСТ

Вышедшая из печати в большевистском подполье брошюра товарища Сталина—«Вскользь о партийных разногласиях»—вооружила рабочих Грузии и Кавказа боевым идейным оружием для борьбы с врагами.

Брошюра Сталина подвергла уничтожающей критике меньшевистскую оппортунистическую теорию стихийности, обосновала марксистско - ленинское учение о значении революционной теории и политической партии для рабочего класса.

Передовые рабочие, большевистские пропагандисты, подготовленные, воспитанные Сталиным, пользовались сталинской работой «Вскользь о партийных разногласиях» и книгой Ленина «Что делать?», в защиту которой выступил товарищ Сталин в своей брошюре.

◆ ◆ ◆

Я находился в Карталинии, когда к нам приехал член Кавказского союзного комитета РСДРП М. Давиташвили

с поручением Сталина вести пропагандистскую работу среди крестьян.

М. Давиташвили привез весть о том, что товарищ Сталин пишет в подполье большую статью, брошюру, которую мы скоро увидим. Приехав в Тифлис в апреле 1905 года, я видел, как переходили уже из рук в руки драгоценные экземпляры сталинской брошюры, отпечатанной в подпольной большевистской типографии.

«Вскользь о партийных разногласиях» встретила горячий отклик среди передовых рабочих Грузии и Кавказа.

Сталин, находясь в то время на нелегальном положении, преодолевая все возникающие отсюда трудности, работал круглые сутки.

Если сегодня Сталин был, например, в Чиатурах, то уже завтра выступал в Тифлисе на дискуссиях с меньшевиками, на рабочих собраниях и митингах, беспощадно громя меньшевизм, сплачивая рабочие массы под знаменем Ленина.

Выступая на дискуссиях, товарищ Сталин часто имел при себе изданный Центральным Комитетом маленький томик протоколов второго с'езда РСДРП, книгу Ленина «Что делать?», а позже — «Две тактики социал-демократии в демократической революции», которой Ленин нанес меньшевикам сокрушительный удар.

Спокойно и непоколебимо, с непримиримой принципиальностью выступал товарищ Сталин, разбивая все положения меньшевиков.

Товарищ Сталин знакомил рабочих с трудами Ленина. Имя Ленина было знаменем.

Большое впечатление произвела на рабочих статья товарища Сталина «Ответ Социал-Демократу», напечатанная в газете «Пролетариатис брдзола» получившая блестящую оценку Ленина.

Велика была тяга рабочих к печатному большевистскому слову.

За несколько лет до этого, в 1898—1901 годах, еще не было своей большой подпольной типографии, но прокламации все-таки печатались, расклеивались и шли нарасхват. Писал эти листовки, главным образом, товарищ Сталин, и они сейчас же печатались с помощью передовых рабочих на маленьких ручных станках. У Сталина

Книга Л. П. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», изданная на языках народов Союза ССР и на иностранных языках.

был актив из среды рабочих-печатников. Заботливо выращивал, воспитывал он работников нелегальной социал-демократической печати, искусных техников революционного подполья.

Друг и соратник Сталина Ладо Кецховели поступил на службу в частную типографию, чтобы самому изучить типографское дело. И это, несомненно, оказало ему затем огромную помощь в создании бакинской подпольной типографии, выпускавшей «Брдзолу».

Товарищ Сталин внимательно и чутко прислушивался к запросам рабочих, изучал их нужды, вникал во все детали; когда рабочие читали сталинские листовки, они удивлялись, как глубоко знал любимый учитель все, чем дышит рабочий.

Сталин непреклонно и настойчиво закладывал основы партийной печати, он создавал кадры, чутко и бдительно подходя к каждому, любя отважных, смелых рабочих, беззаветно преданных революционной партии пролетариата.

Сталин выдвигал их, учил, давал партийные поручения, помогал становиться профессиональными революционерами. Так создавался актив — одни шли в подполье в печатники, другие специально занимались транспортированием нелегальной партийной литературы, третьи хранили эту литературу в конспиративных квартирах, четвертые распространяли. Каким простым, обыденным кажется сейчас это слово «распространяли», а тогда каждому приходилось проявлять массу изобретательности, инициативы, чтобы сбивать полицейских ищеек со следа.

Рабочие часто жаловались, они были недовольны легальной газетой «Квали», которую им старались всучить «легальные марксисты», и жаждали иметь свою нелегальную рабочую печать, в которой находили бы отражение насущные вопросы борьбы рабочего класса.

Сталинская идея создания большой подпольной типографии стала осуществляться с 1901 года, сначала в Баку, а затем в 1903 году в Тифлисе. К моменту побега товарища Сталина из ссылки, к началу 1904 года, уже была готова Авлабарская большевистская типография.

Когда в Авлабарской типографии в начале 1906 года вышла брошюра Сталина «Две схватки», доказывающая, что вооруженное восстание—единственный путь к побе-

де, мне вместе с одним товарищем было поручено отвезти значительную часть тиража в Баку — специально для бакинских рабочих. Брошюра была маленького формата, тонкая, без обложки (за оформлением тогда не гнались), и все же получился солидный пакет, который мы благополучно довезли и сдали бакинской организации РСДРП. Техника нашей конспирации начала вырабатываться еще тогда, когда складывались первые рабочие социал-демократические кружки. О месте, где соберется кружок, знал, кроме членов кружка, только староста. Пред началом занятий он приходил вместе с пропагандистом. Руководителя кружка называли по имени. Рабочие сами понимали значение большевистской конспирации.

Авлабарская подпольная большевистская типография не только сама печатала партийную литературу, но и помогала создавать отдельные типографии в районах. В 1905 году в Чиатуру приехал один передовой рабочий, привез с собой части типографского станка, шрифты и около двух месяцев помогал чиатурским подпольщикам налаживать печатание листовок, готовил печатников из местных работников.

◆ ◆ ◆

В связи с революционным под'емом создались некоторые возможности легальной работы. Стали выходить легальные большевистские газеты, но мы знали, что означала эта «легальность» по отношению к большевистской печати. Выйдет, бывало, десяток-другой номеров, и газету закроют «по распоряжению губернатора». Только меньшевистских газет не касались эти «распоряжения».

Большевистская газета «Дро» печаталась в типографии «Дело», в подвальном сводчатом помещении в доме № 40 по Михайловской улице. Как указывалось в газете, подписка принималась тут же, в типографии. Стоил номер 3 копейки, но в основном распространялась она рабочими-большевиками, переходя из рук в руки, в самую гущу рабочей массы. Газета выходила форматом в поллиста, верстали ее в четыре или пять колонок.

В тогдашней грузинской большевистской печати помещались руководящие статьи Сталина, сталинские пе-

редовые статьи. Мы удивлялись его неисчерпаемой энергии. Он выступал и на дискуссиях, писал, редактировал, занимался подготовкой пропагандистов из передовых рабочих-активистов.

Газета «Дро» провела под руководством товарища Сталина большую работу по подготовке к V с'езду РСДРП, по разоблачению меньшевиков.

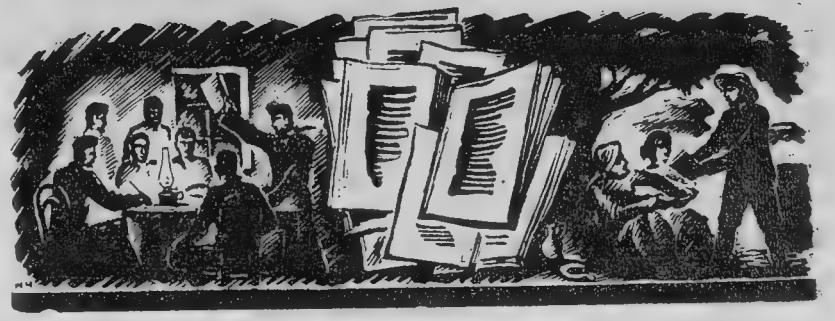
Своими статьями и выступлениями на собраниях, в непримиримой борьбе против меньшевиков товарищ Сталин сплачивал сознательных рабочих вокруг ленинских проектов резолюций.

Большевистское бюро, возглавлявшееся Сталиным, вело жестокую борьбу по разоблачению предвыборных махинаций меньшевиков.

Помню выступление товарища Сталина на собрании рабочих-каретников, рабочих заводов Едигарова, Котрина и других. Союз рабочих-каретников об'единял тогда до 300 человек (по тому времени большое число). Из них человек 60—80 было социал-демократов. Собрание, о котором я упомянул, происходило в Чугуретах.

Собрание заслушало доклад товарища Сталина и, решительно высказываясь за поддержку проекта резолюции большевистского бюро, резко осудило меньшевистскую политику поддержки кадетов. Собрание дало 40 голосов, к которым прибавилось еще 20, за большевистского делегата на V с'езд партии, за товарища «Коба» (Сталина). Собрание поручило своему делегату защищать на с'езде тактику большевиков, позицию московских и петербургских рабочих. Резолюцию собрания, подписанную мною, по поручению товарищей, я принес в газету «Дро», где она и была напечатана вместе с резолюциями других рабочих собраний, голосовавших за товарища Сталина.

Великая сила сталинских слов,—выраженная в речах и прокламациях, в брошюрах,— сплачивала рабочих и крестьян вокруг ленинского знамени, вокруг задач борьбы за торжество дела рабочего класса.



Я. ЦУЦКИРИДЗЕ

СТАЛИНСКИЕ КАДРЫ ПРОПАГАНДИСТОВ

В один из апрельских дней 1905 года товарищи привели меня на нелегальное собрание передовых рабочих. Выступая на этом собрании, товарищ Сталин подробно рассказывал нам о революционном движении в Грузии и на Кавказе, о борьбе российского пролетариата. Вдохновенно говорил товарищ Сталин о Владимире Ильиче Ленине, о ленинских идеях, раз'яснял нам, как надо становиться проводниками этих идей в широких массах рабочих и крестьян

Товарищ Сталин учил непримиримой борьбе против меньшевиков, анархистов, федералистов, бросающих рабочим песок в глаза. Сталин учил рабочих умению распознавать за революционными фразами меньшевиков— от'явленных предателей, учил умению сокрушать и уничтожать каждое оппортунистическое и демагогическое выступление противника.

Вспоминаю сталинские слова о том, как надо,

прежде чем выступать на дискуссиях, хорошо знать задачи революционной социал-демократии, знать опыт ее борьбы за прошедшие годы, умело об'яснять раскол на втором с'езде партии.

Товарищ Сталин неоднократно повторял, что только основательно подготовившись, пропагандист может рассчитывать на успех своего выступления.

Товарищ Сталин требовал от пропагандиста всесторонней подготовки профессионального революционера.

Кадры росли и закалялись, проходя сталинскую школу революционной пропаганды.

Товарищ Сталин подготовил при чиатурском уездном комитете партии специальную группу пропагандистов для работы среди крестьян и сам не раз проводил митинги в селах Чиатурского района.

Товарищ Сталин уделял большое внимание дискуссиям. Как известно, в тот период меньшевики перебросили свои силы в Чиатуры для агитации среди рабочих. Перед большевистским уездным комитетом, основанным товарищем Сталиным, стояла задача разгромить меньшевиков и освободить находившуюся под их влиянием некоторую часть чиатурских рабочих. Эта задача успешно была разрешена чиатурскими большевиками благодаря гениальному руководству товарища Сталина.

О том поражении, которое терпели на дискуссиях меньшевики и прочие враги рабочего класса, писала тогда же большевистская газета «Борьба пролетариата».

«...В июле месяце,— говорилось в одной из корреспонденций, — в Чиатура понаехали целых два вагона социал-революционеров, федералистов, автономистов, анархистов и разных других «истов». «Мы хотим вызвать на дискуссию социалдемократов и привлечь на свою сторону рабочих»,— говорили они. Собралось до 1.500 слушателей. Дискуссия кончилась полным поражением противников. В конце дискуссии рабочие подняли знамя и кричали: «Долой социалреволюционеров, долой федералистов. Да здравствует социалдемократия!»

Дискуссии проводились во многих марганцевых рудниках. И почти всюду выступал товарищ Коба. После каждой дискуссии все большее количество рабочих, находившихся под влиянием меньшевиков, становилось под большевистское знамя, под знамя ленинско-сталинских идей.

Е. ЦАМАЛАИДЗЕ

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

Этот замечательный день надолго сохранится в памяти старых рабочих нашего завода. С утра цехи облетела весть о том, что на собрании рабочих тогда еще Главных мастерских Закавказской железной дороги выступит товарищ Сталин.

Это было 8 июня 1926 года.

Задолго до начала собрания к мастерским стали большими группами подходить рабочие других предприятий Тбилиси. Они шли со всех сторон. Все ворота и калитки мастерских были раскрыты.

Тысячи людей пришли послушать Сталина.

Здесь были рабочие трамвая, вагонного участка, депо и многих других предприятий. Здесь были жены, сестры и матери рабочих. В многотысячной толпе стал незаметным наш большой коллектив рабочих и служащих.

Как сейчас помню: сборный цех, тогда еще с низкими сводами, платформу вагона, с которой говорил товарищ

Сталин, и кругом, куда ни взглянешь, взволнованные лица. Каждый старался забраться повыше, чтобы лучше видеть Сталина.

В этом помогли паровозы, стоявшие в цехе.

Я работал тогда в том же цехе помощником машиниста по обкатке паровозов и едва успел занять место поближе.

У входа в цех висели лозунги на грузинском и русском языках:

«Да здравствует генеральный секретарь ЦК ВКП(б) тов. Сталин».

Бурные аплодисменты долго не давали товарищу Сталину начать свой доклад об английской забастовке и событиях в Польше. Медленно, спокойно говорил товарищ Сталин. Каждое его новое слово, новая фраза раз'ясняли сложную цепь событий за рубежом, которые живо интересовали широкие массы рабочих.

Когда был окончен доклад, долго не смолкала бурная овация. Со всех сторон неслись приветственные возгласы.

Отвечая на приветствия рабочих, товарищ Сталин сказал тогда:

«...Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было лет 28 тому назад. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение».

Здесь же, на этом памятном собрании, было принято решение присвоить Главным мастерским имя любимое, родное, близкое всем трудящимся. С того дня Главные мастерские стали — мастерскими имени Сталина.

После собрания великий вождь и учитель внимательно знакомился с работой предприятия, заботливо вникал во все детали сложного процесса.

С тех пор прошло много лет.

Многое изменилось за эти годы.

Расширились и выросли новые цехи. Главные мастерские стали крупнейшим предприятием не только Тбилиси, но и всей Грузии — паровозо-вагоноремонтным заводом имени Сталина.

Рабочие и заводская интеллигенция знакомятся с полувековой историей завода. Старые рабочие с радо-

Тбилиси. Здание филиала Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

стной улыбкой узнают в Тбилисском филиале Музея В. И. Ленина знакомую сталинскую прокламацию «Товарищи!», выпущенную тифлисской социал-демократической группой после августовской забастовки 1900 года. Молодежь внимательно вчитывается в пламенные сталинские строки, написанные около сорока лет тому назад:

«Мы поднялись против гнетущего нас бесправия, эксплуатации и тем показали начальству, что способны открыто вступить в борьбу, что в нас растет сознание своих прав»...

С гордым сознанием своих великих прав, записанных в Сталинской Конституции, читают теперь эту историческую прокламацию трудящиеся нашей страны.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции «Зари Востока» 3

I. ЮНЫЕ ГОДЫ ВОЖДЯ

Из беседы товарища Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом 7
Из передовой статьи «Зари Востока» «Великий пример»— 12 августа 1936 г. 9
П. Капанадзе. «Я должен увидеть Ленина» 11
Г. Глурджидзе. Памятные годы 15
Д. Гогохия. На всю жизнь запомнились эти дни 19
Г. Елисабедашвили. Годы в училище 26
Г. Паркадзе. Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках 28

II. СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Из передовой статьи «Зари Востока» «Почетная задача пропагандиста» — 17 июля 1939 г. 37
Вано Кецховели. На заре создания партии рабочего класса . 40
В. Бердзенишвили. В обсерватории 46
А. Бедиашвили. Рассказ о старой и новой жизни 52
Л. Мамаладзе. Под красным знаменем 55
П. Куридзе. «Солнце будет сиять для нас» 59
К. Каландаров. Сталинская школа борьбы 66
Вера Ломджария. Сталин воспитал в нас мужество и ненависть к врагу 72
Нинуца Модебадзе. Рассказ о незабываемом 79
Наталия Киртадзе. Побег Сталина из иркутской ссылки . . . 84
С. Чодришвили. В мастерской моего брата Михо 89
И. Вацек. В годы подполья 97
Г. Гаглоев. Любимый учитель 103

III. ВЕЛИКИЙ ПРОПАГАНДИСТ

Из передовой статьи «Зари востока» «За большевистскую подготовку ко Дню пе́чати» — 18 апреля 1936 года . . 111
Г. Нинуа. Первые уроки революционной теории 113
П. Хурцилава. Нашим кружком руководил товарищ Сталин . . 118
А. Литанов. Я выучился читать по большевистским листовкам . 124
И. Дарахвелидзе и Д. Вадачкория. Батумское подполье . . . 127
Осман Гургенидзе. Великий агитатор и пропагандист большевизма 133
О. Инжерабян. Огненные сталинские слова 136
И. Дарахвелидзе. Подпольная типография 141
Г. Лелашвили. У станка в большевистском подполье 144
Г. Паркадзе. Великий пропагандист 151
Я. Цуцкиридзе. Сталинские кадры пропагандистов 157
Е. Цамалаидзе. Незабываемый день 159

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор *В. Григорьян*
Тех. редактор *Г. Ковшов*
Выпускающий *С. Болдырев*
Обложка и титул худ. *И. Гурро*
Заставки и концовки худ. *Н. Чернышкова*
Фотоснимки и репродукция *В. Полякова*
Сдано в производство 29 июля 1939 г.
Подписано к печати 15 ноября 1939 г.
Об'ем 10,5 л. В 1 печ. л. 36420 тип. знак.
Тираж 5 000. Уполн. Главлита № С—1139
Цена 4 руб., переплет 2 руб., всего 6 руб.
Заказ № 2409

Отпечатано в типографии им. А. Ф. Мясникова изд-ва „Заря Востока". Тбилиси, пр. Руставели № 36.

53

sep 1955
98